

RELAȚIILE ROMÂNNO-RUSE ÎN CONTEXTUL CUCERIRII INDEPENDENȚEI DE STAT A ROMÂNIEI

Enache TUȘA*

Aria tematică a acestei comunicări este reprezentată de relațiile dintre România și Rusia. Mai exact, expunerea se referă la relațiile dintre cele două state în perioada 1876-1878. Evenimentul central al acelor ani a fost conflictul ruso-turc, cunoscut în istoriografia românească ca Războiul de Independență, conflict ce a reprezentat punctul culminat al fierberii din Balcanii acelor ani și care a dus la modificări majore ale hărții regiunii.

Imperiul rus a jucat de foarte mult timp un rol major în viața principatelor ce aveau să se unească în 1859, formând România. În 1711, cooperarea moldovenilor lui Dimitrie Cantemir cu rușii în campania eșuată de la râul Prut a avut o consecință dezastruoasă: decizia Porții de înlocuire a domnilor pământeni cu fanarioții. În urma războiului ruso-turc din 1768-1774, încheiat cu Pacea de la Kuciuc-Kainargi, turcii au acceptat să fie stabilite consulate rusești în Moldova și țara Românească, iar consulii să-i poată reprezenta pe români la Constantinopol. În 1782 au fost deschise primele consulate. În 1792, în urma tratatului de la Iași, granița Rusiei a ajuns la Nistru, iar în 1812, în urma unui nou război, aceasta a anexat Basarabia¹.

Tratatul de la Adrianopol, ce a încheiat conflictul din 1828-1829, a adus protectoratul rusesc în cele două principate și a pus totodată capăt momopolului otoman asupra comerțului românesc. Imperiul Otoman rămânea în continuare puterea suzerană. Până în 1834 cele două țări românești s-au aflat sub directa administrație militară rusească. Generalul Pavel Kiseleff a beneficiat de puteri aproape nelimitate pentru a reorganiza viața politică și economică din Principate. Administrația sa a avut numeroase aspecte pozitive, iar multe dintr acțiunile sale au fost etichetate în epocă drept revoluționare. El însă nu a dorit să răstoarne ordinea socială existentă, ci dimpotrivă a dorit să o mențină prin „precizarea drepturilor și îndatoririlor tuturor claselor și prin asigurarea mecanismului administrativ și legal necesar apărării acestora”².

* Asist. univ. drd., Facultatea de Istorie și Științe Politice, Universitatea „Ovidius” Constanța.

¹ Fredeck Kellogg, *Drumul României spre independență*, traducere de Laura Carmen Cuțitaru, Institutul European, Iași, 2000, pp. 22-23.

² Keith Hitchins, *Începuturile statului modern*, în Mihai Bărbulescu, Dennis Deletant, Keith Hitchins, Șerban Papacostea, Pompiliu Teodor, *Istoria României*, Editura Enciclopedică, București 1998, pp. 358-359.

Cel mai important rezultat al acestei perioade de ocupație a fost introducerea Regulamentelor Organice, în 1831 în Țara Românească și în 1832 în Moldova.

În 1848 revoluțiile din Țările Române au fost înăbușite de către puterea suzerană și cea protectoare. Războiul Crimeei (1853-1856) a adus o nouă ocupație rusească urmată de una austriacă. Sfârșitul conflictului, prin Tratatul de la Paris a adus sfârșitul protectoratului rusesc în Principate, ce intrau acum sub garanția colectivă a marilor puteri, și, totodată, retrocedarea unei părți din Basarabia, județele Kahul, Ismail și Bolgrad, Modovei.

Din această scurtă trecere în revistă a rolului jucat de Rusia în istoria românilor, reiese clar că nu se poate vorbi de relații propriu-zise româno-ruse până în acel moment. Nu în sensul de relații între două părți ce tratau pe picior de egalitate. Țările Române nu existau din punctul de vedere al Rusiei, al oricărei mari puteri de fapt, ele fiind doar teritorii creștine ale Imperiului Otoman, ce puteau fi invadate și anexate și în care ea putea exercita o anumită influență.

Aici intervine importanța perioadei 1876-1878. Lucrurile se schimbaseră în Principate între Războiul Crimeei și acest nou conflict ruso-turc. Congresul de la Paris poate fi socotit ca actul de naștere al României moderne. În 1859 are loc unirea Moldovei cu Țara Românească. Prima constituție a noului stat a fost Convenția de la Paris, un act elaborat de puterile garante. Anul 1866 aduce urcarea pe tronul României a unui prinț străin, Carol de Hohenzollern-Sigmaringen, dar și prima constituție propriu-zis românească. O serie întreagă de reforme au scopul, în toată această perioadă, de a transforma România într-un stat modern.

Dar, mai rămânea un obstacol: suzeranitate otomană. România încă mai plătea un tribut porții, iar domnitorii trebuiau să primească investitura din partea sultanului. Acesta este marele prilej pe care, dincolo de toate pericolele ce pot apărea dintr-o astfel de situație, îl oferă României conflictul din Balcani ce a debutat în 1875. Ea poate înlătura și ultimele urme ale dominației turcești și poate deveni un stat independent. Acesta este momentul în care România își face intrarea pe scena internațională. Iar relațiile cu Rusia sunt cruciale din acest punct de vedere. Guvernul rus negociază și semnează o convenție de trecere a trupelor cu guvernul unei țări pe care era obișnuit s-o cotropescă ca pe orice alt teritoriu otoman. Mai mult, prin forța împrejurărilor, România își ține soarta în propriile mâini, intervenind în război și luptând de partea Rusiei împotriva Imperiului Otoman. Încheind într-un fel drumul început prin Congresul de la Paris, eforturile României au fost încununat de succes, ea câștigându-și independența. Dar Congresul de la Paris a reprezentat un moment crucial și pentru Rusia. Șocul înfrângerii a determinat, printre alte cauze, cursul politicii interne și a furnizat un obiectiv clar celei externe: anularea Tratatului de la Paris.

Acest obiectiv va avea un impact major asupra relațiilor româno-ruse în anul 1878. Una dintre țintele Rusiei, singura legată de Tratatul de la Paris rămasă în picioare în acel moment, era retrocedarea sudului Basarabiei. Cu acest gând,

oamenii de stat ruși intră în război. Acesta lucru va declanșa o criză majoră în relațiile româno-ruse, și va avea un impact puternic asupra evoluției ulterioare a acestora.

Natura relațiilor româno-ruse din acea perioadă este așadar una duală. Pe de o parte colaborarea în vederea înfrângerii inamicului comun, pe de alta conflictul generat de o dispută teritorială. Pentru România beneficiile au fost mari. Foarte mari au fost însă și pierderile. În drumul ei spre independență a mers alături de o mare putere europeană. Atitudinea acesteia a devenit brutală și amenințătoare atunci când România a încercat să stea în cale intereselor ei. Punctul central al relațiilor româno-ruse în perioada 1876-1878 este problema Basarabiei, iar amenințarea pierderii acestui teritoriu plutește permanent deasupra României.

Neutralitatea României

În 1875, în momentul izbucnirii *crizei orientale*, România era condusă de guvernul conservator al lui Lascăr Catargiu, ce deținea funcția de prim-ministru încă din 1871. Era vorba așadar de cea mai longevivă guvernare din istoria de până atunci a statului român. Poziția acestui guvern nu era însă nici pe departe solidă. Din echipa ministerială inițială nu mai rămăsese decât „ministrul prezident”, situația finanțelor era foarte precară, iar atacurile opoziției (grupată în faimoasa „coalțiție de la Mazar Pașa”) erau tot mai furibunde. Cele mai aspre critici se aduceau convenției comerciale cu Austro-Ungaria, încheiată în același an, despre care liberalii credeau că aduce grave prejudicii dezvoltării industriei autohtone. Acestor probleme avea să li se adauge situația explozivă din Balcani generată de revolta din Bosnia și Herțegovina. Poziția adoptată de guvernul român a fost aceea a neutralității. În data de 9/21 august 1875, Vasile Boerescu, ministrul de externe, asigura Poarta că statul român va fi „un spectator pasiv, deși interesat și că se va menține într-o rezervă desăvârșită, supraveghind pentru a împiedica orice acțiune de natură a compromite neutralitatea teritoriului său și bunele relații cu Poarta”³.

El adăuga însă că guvernul român va menține această politică „atâta vreme cât vom păstra credința statornică ce avem, că putem realiza năzuințele noastre și întări existența noastră națională, fără zguduiri, fără tulburări, în perfectă înțelegere cu sublima Poartă.” Existau așadar aspirații spre o eventuală obținere a independenței pe cale pașnică, în bună înțelegere cu Turcia. Ideea generală ce se desprinde notele trimise lui Vasile Boerescu către agenții diplomatici ai României este aceea a menținerii unei stricte neutralități. Simpatiile opiniei publice se îndreptau spre insurgenți. „Românul”, ziarul opoziției liberale, dar și unii deputați conservatori cereau guvernului, în noiembrie 1875, adoptarea

³ Nicolae Corivan, *Lupta diplomatică pentru cucerirea independenței României*, Editura Științifică și Enciclopedică, București 1977, p. 27.

unei atitudini mai hotărâte în favoarea răsculațiilor. Cu toate acestea, la recomandarea Parlamentului, guvernul a decis menținerea politicii de neutralitate.⁴

Redeschiderea *chestiunii orientale* forța organizațiile politice românești să adopte o atitudine în privința independenței. Liberalii radicali, care încurajaseră mișcarea de eliberare a bulgarilor, doreau obținerea acesteia prin participarea la război. Conservatorii doreau și ei independența, dar prin negocieri diplomatice, fără o angajare în conflictul din Balcani. În ședința consiliului de miniștri din 24 noiembrie /6 decembrie 1875, discutându-se care ar trebui să fie atitudinea statului român în eventualitatea unui război ruso-turc, nu a fost luată nici o hotărâre, argumentându-se că e dificil a se prevedea care va fi evoluția situației internaționale.⁵ Situația în care se afla statul român era una deosebit de complexă, deoarece putea fi prins la mijloc într-un conflict între cele două imperii, conflict ce s-ar fi putut desfășura, ca de atâtea ori în trecut, pe teritoriul său. Trupele otomane se concentrau la Vidin, iar Ignatiev declarase miniștrilor turci, în prezența agentului diplomatic român Iancu Ghica, că guvernul său „va lua ca amanet Principatele dunărene, imediat ce turcii ar ocupa Serbia și Muntenegru”. În aceste condiții, atât principele cât și guvernul său aspirau ca România să devină o a doua Belgie, cu neutralitate recunoscută de toate puterile garante, pentru a o proteja de eventuale atacuri⁶.

În acest scop, în data de 4/16 ianuarie 1876, Lascăr Catargiu, ce acum acum deținea ad-interim și portofoliul externelor, a trimis o notă circulară agenților României din străinătate referitoare la poziția țării față de evenimentele din zonă. Agenții trebuiau să discute conținutul acestei note cu guvernele pe lângă care erau acreditați.

Nota avea menirea de a sonda puterile garante în privința unei eventuale proclamări a independenței și a acceptării situației de neutralitate asemeni Belgiei. În notă se preciza că, deși România menținuse o strictă neutralitate, ea fusese acuzată de complicitate cu Poarta Otomană, ce concentra trupe la Vidin și trimitea vase pe Dunăre. De aceea guvernul român a decis să facă propriile pregătiri militare pentru a se apăra fie de Imperiul Otoman, fie de alte puteri (aluzie la declarația lui Ignatiev). Se mai preciza că, atât timp cât nu era rezolvată, problema independenței României avea să fie o cauză de tulburări. În cazul în care Turcia s-ar probuși în lupta cu populațiile creștine răsculate, guvernul român considera tributul abolit, fiind astfel eliberat de „singura legătură” ce îl mai lega de Poartă și ar fi putut obține o situație asemănătoare cu cea a Belgiei. În încheiere se previza că, în eventualitatea unei conflagrații generale, guvernul

⁴ Nichita Adăniloae, *România independentă* în Dan Berindei (coord) – *Istoria Românilor, vol VII, tom 1: Constituirea României moderne(1821-1878)*, Editura Enciclopedică, București, 2003, p. 636.

⁵ Nicolae Corivan, *Op. cit.*, p. 28.

⁶ *Memoriile Regelui Carol I al României de un martor ocular*, ediție și indice de Stelian Neagoe, vol III, Editura Machiavelli, București 1994, p. 14.

român era dispus să coopereze cu armatele aliate, dacă marile puteri i-ar cere concursul, dar cu condiția ca acestea să garanteze României „integritatea teritoriului său și toate drepturile sale seculare”⁷. Acest document emis de guvernul conservator, precizează foarte clar poziția României în problemele de politică externă: simpatie față de răsculați, înarmare, mobilizare dar și sporire a efectivelor militare, atenție la jocurile de culise ale marilor puteri și participare efectivă la război, dar numai cu condiția respectării drepturilor legitime ale României, mai ales în privința integrității teritoriale⁸.

Nota diplomatică din 4/16 ianuarie a fost primită cu entuziasm de sârbi și de greci, dar cu mari rezerve de către marile puteri. Discuțiile cele mai aprinse au avut loc la Viena, unde atât Andrassy, cât și ambasadorii celorlalte puteri acreditați în capitala Imperiului și-au exprimat nemulțumirea față de intenția României de a renunța la tutela otomană. Ambasadorii rus și turc au negat că s-ar fi pus problema ocupării României, iar ambasadorul englez i-a precizat lui Gheorghe Costa-Foru, trimisul român, că Anglia garantează existența României numai atât timp cât face parte din Imperiul Otoman, pentru că este interesată de menținerea acestuia. „Dar, ca stat independent, puțin importă dacă există sau nu o Românie”⁹. În aceste condiții, guvernul conservator a bătut în retragere, cerând agenților săi să nu mai deschidă vreo discuție despre precizările făcute în notă, deoarece amenințările și complicațiile referitoare la România par a fi înlăturate¹⁰. Ministru de Externe a devenit Ion Bălăceanu, ce a reafirmat printr-o circulară neutralitatea României.

Între timp, pe plan intern, situația guvernului lui Lascăr Catargiu a devenit tot mai complicată. Criticile opoziției au devenit tot mai accentuate, pe teme ca reforma controversată din învățământ, dorită de ministrul Titu Maiorescu, convenția comercială cu Austro-Ungaria, sau practicile de centralizare administrativă ale guvernului. Acestora li se adăuga învinuirea de nu fi putut adopta o poziție fermă și de perspectivă în privința situației externe. În plus, gruparea conservatoare se confrunța și cu probleme interne, ce au dus la demisia ministrului de Externe Vasile Boerescu, sau a președintelui Camerei, Dimitrie Ghica. Poziția guvernului era dificilă în Senat și de aceea camera superioară a fost dizolvată și s-au organizat alegeri. Rezultatul acestora nu a fost unul favorabil conservatorilor și de aceea Lascăr Catargiu a prezentat principelui, în data de 30 martie/11 aprilie, demisia cabinetului. A urmat tot un guvern de nuanță conservatoare, condus de generalul Ioan Emanoil Florescu, ministru de Război în precedentă guvernare. Ministru al Afacerilor Străine era Dimitrie Cornea. Acesta reafirma încă o dată neutralitatea României, bazată pe respectarea

⁷ Nota lui Lascăr Catargiu din data de 4/16 ianuarie 1876, în *Documente privind istoria României. Războiul pentru independență*, (în continuare DIRRI), vol I, partea a II-a, Editura Academiei Republicii Populare România, București 1954, pp. 64-67.

⁸ Nicolae Ciachir, *Războiul pentru independența României...*, pp. 146-147.

⁹ Gheorghe Costa-Foru către ministrul de Externe în DIRRI, vol I, partea a II-a, pp. 74-83.

¹⁰ *Istoria Românilor vol VII, tom I*, pp. 636-637.

tratatelor. Și acest cabinet a trebuit să se confunde cu același Senat, în care liberalii dețineau 36 de locuri, iar conservatorii 28. În momentul în care Carol I a refuzat o nouă dizolvare a camerei superioare, generalul Florescu și-a prezentat demisia¹¹. Guvernul român a desfășurat de asemenea o intensă activitate diplomatică, pe lângă Poartă și Puterile garante, pentru a obține neutralitatea Dunării între gura Timocului și Vîrciorova, din dorința de a nu fi angrenat în conflictul de abia izbucnit. Acesta era și scopul cantonării trupelor de la Gruia. Demersurile României au fost susținute și de reprezentanții puterilor garante.¹² Imperiul Otoman a acceptat, dar apus două condiții : 1) În sectorul Vîrciorova-Negotin să fie interzisă introducerea de armament, muniții și voluntari 2) România să-și asume obligația ca în contul tributului să aprovizioneze garnizoana otomană din Insula Ada-Kaleh. România a acceptat aceste condiții. Măsura era avantajosă și pentru Serbia deoarece nu urma să fie atacată de vasele otomane pe granița sa fluvială¹³. Refuzul Imperiului Otoman de a satisface revendicările românești, masacrele comise de trupele neregulate otomane în Bulgaria și intuiția că la Riechstadt, Rusia și Austro-Ungaria ajunseseră la un acord în privința intervenției pentru soluționarea crizei orientale, l-au determinat pe Kogălniceanu să încerce urgentarea ieșirii din starea de neutralitate. Pentru a pregăti terenul, el a trimis la 20 iulie/1 august o notă circulară agenților diplomați prin care le cerea să facă cunoscut guvernelor pe lângă care erau atașați că România nu poate rămâne impasibilă față de masacrele otomane și să ceară o intervenție urgentă a marilor puteri spre a le curma¹⁴. În notă se preciza că România nu nutrește nici o intenție dușmănoasă față de Turcia, dar nu poate să rămână indiferentă la „strigătele de durere care pornesc de pe malul drept al Dunării. Marile puteri ar trebui să rupă tăcerea și să intervină, pentru că România, „oricât de modestă ar fi poziția sa, nu ar putea să păstreze mai departe tăcerea”. În țară „agitația crește din ce în ce în rândul poporului”, un mare partid politic s-a „pronunțat categoric în favoarea creștinilor”, iar armata „nu-și găsește astâmpăr sub jugul disciplinei, dorind să ia parte la luptă”. De aceea este datoria, dar și interesul marilor puteri să-și utilizeze autoritatea pentru a cere armatelor otomane „să respecte drepturile ginților și datoriile umanitare”¹⁵. Peste patru zile, printr-o telegramă cifrată, ministrul Afacerilor Străine cerea din nou agenților români să convingă marile puteri să soluționeze rapid revendicările anterioare, deoarece, opinia publică ar putea determina guvernul să renunțe la

¹¹ Gheoghe Cliveti, „Independența națională și modernizarea instituțiilor românești” în Șerban Rădulescu-Zoner (coord), *Istoria Partidului Național Liberal*, All, București, 2000, pp. 53-111.

¹² Constantin Căzănișteanu și Mihail M. Ionescu, *Op. cit.*, p. 70.

¹³ Dumitru P. Ionescu, *Op. cit.* p. 43.

¹⁴ *Istoria Românilor*, vol VII, tom I, p. 641.

¹⁵ Mihail Kogălniceanu, *Op. cit.* p. 136.

atitudinea urmată până atunci, aceea a neutralității. Însă demisia guvernului avea să pună capăt pentru un timp acestor acțiuni ferme¹⁶.

În iunie 1876 au avut loc alegeri pentru Adunarea Deputaților, ce s-au soldat cu victoria clară a grupării liberalilor radicali, al căror lider, C. A. Rosetti, a fost ales președinte al Camerei. La 19/31 iulie, cu toată opoziția primului-ministru, Camera a votat darea în judecată a foștilor miniștri ai cabinetelor Lascăr Catargiu, pentru violarea constituției, îngrădirea libertăților și risipirea banilor publici. În aceste condiții, Manolache Costache Epureanu, ce făcuse parte din guvernul conservator între anii 1872-1873, s-a declarat solidar cu foștii săi colegi, deși fusese exceptat de la acuzare, și a prezentat demisia cabinetului său. Domnitorul Carol a însărcinat în data de 24 iulie/5 august 1876 pe Ion C. Brătianu cu formarea unui nou guvern. La Afacerile Străine locul lui Kogălniceanu a fost luat de Nicolae Ionescu, liderul „fracționistilor” liberali radicali din Moldova și un partizan al respectării cu strictețe a neutralității.

Încă de la începutul mandatului său, Ionescu l-a informat pe agentul austriac la București că „deși radical înăuntru, e conservator în afară”¹⁷. Pentru a evita protestele Imperiului Otoman, dar și al altor mari puteri, el a dat dispoziții de interdicere a transporturilor masive de arme și muniții ce se îndreptau spre Serbia. Autoritățile locale închideau adesea ochii, respectând recomandările directe ale primului ministru.

Brătianu dorea să imprime o nouă direcție politicii externe a României, una în care neutralitatea putea fi doar o etapă. Situația internațională se deteriora. Victoriile otomane prevesteau dezastrul Serbiei, iar Rusia nu putea să accepte cu nepăsare umilirea unei armate a slavilor sudici, comandată de un general rus și înțesată cu voluntari veniți din Rusia. La Livadia, reședința de vară a țarului din Crimeea, principalele figuri ale politicii rusești discutau despre eventualitatea implicării în conflict. Imediat după formarea cabinetului său, Brătianu i-a declarat baronului Stuart, agentul rus, că el și guvernul său ar fi gata să coopereze cu Rusia pentru îndeplinirea tuturor dezideratelor acesteia, dacă Rusia ar garanta integritatea teritoriului românesc, între granițele sale actuale. Stuart s-a mărginit să-i răspundă vorbind despre tot ceea ce România datora Rusiei și despre avantajele unor bune relații cu un vecin puternic, cum este aceasta. Acestea erau teme standard pentru consuli ruși în discuțiile pe care le purtau cu oameni de stat români¹⁸. În acest nou context, Brătianu trebuia să țină seama și de poziția Austro-Ungariei și de cea a Rusiei, mai ales după ce avusese loc întâlnirea de la Riechstadt dintre cei doi împărați și miniștrii lor de Externe. De aceea, la sfârșitul lui august 1876, când împăratul Francisc Iosif a vizitat Sibiul, Brătianu a venit să-l salute pentru a încerca să-i afle intențiile.

¹⁶ Istoria Românilor, vol VII, tom I, p. 642.

¹⁷ Nicolae Iorga, *Războiul pentru independența României: acțiuni diplomatice și stări de spirit*, Albatros, București, 1998, p. 58.

¹⁸ Barbara Jelavich, *Russia and the formation...*, pp. 238-240.

O lună mai târziu în data de 29 septembrie/11 octombrie, o delegație română a ajuns la Livadia, unde se aflau țarul și principalii săi colaboratori. Din delegație făceau parte Brătianu, colonelul Slăniceanu (ministrul de Război), mareșalul Curții Teodor Văcărescu și un aghiotant al domnitorului Carol, Singurov, care vorbea rusește. Nicolae Ionescu nu era inclus. Odată ajunși acolo ei au vorbit cu țarul, Miliutin, ministrul de Război, Goeceakov, Ignatiev și alții. Discuțiile au început pe tonul dat de Brătianu care a constatat că războiul este privit ca inevitabil, iar dispoziția generală în această privință este „plină de încredere și animată”. Atât Ignatiev, cât și Gorceakov au insistat încă de la început pentru o convenție care să permită trecerea trupelor rusești prin România, în eventualitatea unui război. La Livadia nu s-a semnat vreun acord scris – era, în mod oficial, o simplă vizită de curtoazie - nici nu fuseseră asumate angajamente foarte clare, dar la un acord de principiu se ajunsese într-o oarecare măsură. Conform relatărilor rusești, atitudinea lui Brătianu și a însoțitorilor săi a fost foarte satisfăcătoare. El a propus ca armata română să participe la război și încheierea unei alianțe militare. În schimb a cerut asigurări pentru Independența României și integritatea sa teritorială. A sugerat că ofițerii ruși ar trebui să vină în România pentru a se familiariza cu condițiile și pentru a ajuta armata română să se pregătească de război. Majoritatea liderilor ruși erau mulțumiți. Jomini, cel mai apropiat colaborator al lui Gorceakov, i-a scris la Sankt Petersburg lui Giers, Ministrul adjunct de externe: „Românii sunt foarte plăcuți (atât de sinceri). Se oferă să fie avangarda noastră în schimbul unor compensații : independență, regalitate, anexarea Dobrogei până la Constanța”¹⁹.

Din punctul de vedere românesc, exista însă un motiv de îngrijorare : problema sudului Basarabiei. Românii și-ar fi dorit garanții că Rusia nu va încerca anexarea acestora. La întrebarea directă a lui Brătianu, Ignatiev și mai ales Gorceakov au răspuns evaziv. În schimb, la o întrevedere la care erau doar Brătianu, împăratul și împărăteasa, Alexandru al II-lea i-a comunicat că acele trei județe reprezintă singura bucată de teritoriu pe care Rusia a trebuit vreodată să o cedeze, iar el consideră că este o datorie pioasă, față de memoria tatălui său, să returneze Rusiei lui Nicolae I „ceea ce Tratatul de la Paris i-a răpit”. Primul ministru român s-a întors acasă îngrijorat. Era limpede că Rusia se pregătește de război, iar Basarabia este în pericol²⁰.

Pe baza celor convenite la Livadia, la 16/28 noiembrie 1876, a sosit la București contele Al. Nelidov, consilier al ambasadei ruse la Constantinopol, pentru a trata încheierea convenției de trecere a armatei ruse spre Balcani. Fără știrea ministrului Nicolae Ionescu, un adversar al negocierilor cu Rusia, I.C. Brătianu a tratat în secret prevederile principale ale convenției care, la 23 noiembrie/5 decembrie, era în linii mari elaborată²¹.

¹⁹ Barbara Jelavich, *Russia and the formation...*, pp. 242-243.

²⁰ *Ibidem*, pp. 243-244.

²¹ *Istoria Românilor*, vol VII, tom I, p. 643.

Tot în aceeași perioadă cu Nelidov, a venit la București în misiune secretă un emisar turc, Ali Bei, guvernatorul Tulcei, pentru a stabili o înțelegere împotriva Rusiei. Dacă România se arăta dispusă să se opună intrării trupelor rusești în țară, Poarta se arăta gata de a pune 40 000 de soldați sub comanda lui Carol²². Oferta otomană a fost însă refuzată. Lucrurile păreau să se îndrepte spre o colaborare cu Rusia.

Paralel cu negocierile Rusești, România și-a intensificat pregătirile militare. La 24 septembrie/6 octombrie domnitorul Carol a decretat – cu ocazia manevrelor de toamnă – concentrarea armatei permanente și teritoriale împreună cu rezervele lor, iar la 9/21 septembrie a fost fixată ordinea de bătaie și dislocarea celor 4 divizii. Divizia a 4-a a fost concentrată în împrejurimile Focșanilor, deși își avea sediul la Iași, pentru a fi mai aproape de restul armatei și pentru a preveni un eventual atac otoman spre punctul strategic Barboși.

Această mobilizare a provocat proteste ale unora dintre puterile garante, ce acuzau guvernul român de intenții războinice. În noiembrie, trecând peste aceste proteste, s-a hotărât păstrarea în continuare a rezervelor sub arme, s-a votat un credit extraordinar pentru înzestrarea trupelor și, totodată s-a decretat și înființarea a încă 8 regimente de dorobanți, pe lângă cele 8 deja existente. Regimentele de dorobanți au fost repartizate pe divizii teritoriale și județe, socotindu-se un regiment (format din 2 batalioane) la 2 județe. Fiecare județ avea prin urmare un batalion. Armata era așadar pe picior de război și a rămas așa până la sfârșitul lui ianuarie 1877, când rezerviștii au fost lăsați temporar la vatră din rațiuni financiare. În timpul acestor lungi concentrări s-a făcut instruirea trupelor permanente și teritoriale și s-au ridicat lucrări de fortificații la Barboși și Calafat, spre a preveni un eventual atac inamic²³.

La jumătatea lunii octombrie 1876 se părea că războiul dintre Rusia și Imperiul Otoman era pe punctul de a izbucni. Pentru a evita zdrobirea completă a armatei sârbești, Rusia a dat un ultimatum Turciei la data de 19/31 octombrie și a mobilizat 20 de divizii. Însă, în mod surprinzător, Poarta s-a supus ultimatumului și a acceptat să încheie un armistițiu pe 2 luni cu Serbia și Muntenegru. Astfel declanșarea războiului a fost amânată. Convocarea unei conferințe a marilor puteri la Constantinopol a îndepărtat și mai mult spectrul războiului.

În această conjunctură internațională, cand războiul părea evitat, sau ce puțin amânat, guvernul român, sub influența unor oameni politici ostili unei colaborări cu Rusia (Ion Ghica, Dimitrie A. Sturza, Nicolae Ionescu, Dumitru Brătianu), a încercat încă o dată să obțină o recunoaștere indirectă a independenței pe cale diplomatică, anume prin formula neutralității absolute și garantarea specială a acesteia de către marile puteri europene. În acest scop au

²² Nicolae Corivan, *Relațiile diplomatice ale României de la 1859 la 1877*, Editura Științifică și Enciclopedică, București 1984, p. 320.

²³ *Istoria Românilor*, vol VII, tom I, pp. 643-645.

fost trimiși C.A. Rosetti și Ion Ghica în Franța și respectiv Marea Britanie, deși oficial ei se aflau acolo pentru a încheia angajamente comerciale²⁴.

Situația era însă complicată, deoarece nu exista un consens între marile puteri europene cu privire la măsurile de luat pentru pacificarea Balcanilor. Exista o mare tensiune în toamna anului 1876 și nu se putea prevedea exact cum va evolua situația. De aceea guvernele marilor puteri evitau să dea răspunsuri precise în privința neutralității României. La Paris, ducele Decazes i-a declarat lui Rosetti că nici o putere nu va dori să se angajeze și că va obține același răspuns și din partea guvernului englez. Ion Ghica, în drum spre Londra, s-a oprit la Viena unde i se comunică că ar fi mai bine ca românii să se retragă din calea rușilor, în cazul unei eventuale pătrunderi a acestora pe teritoriul țării.

Ajuns în Marea Britanie, el nu a primit nici acolo un răspuns clar în privința garanțiilor speciale pentru neutralitatea statului român²⁵.

În aceeași ordine de idei, Nicolae Ionescu a cerut agenților diplomatici la data de 22 octombrie/3 noiembrie și la 5/17 noiembrie 1876, să sondeze guvernele pe lângă care erau acreditați în privința acordării unei garanții speciale de neutralitate, printr-un act internațional, în eventualitatea unui război între Imperiul Otoman și o altă putere europeană²⁶. Tot ceea ce au primit au fost promisiuni vagi că revendicările României vor fi susținute la Conferința de la Constantinopol.

De aceea, la București s-a luat decizia trimerii lui Dumitru Brătianu la Constantinopol pentru a pleda cauza română în fața diplomaților europeni întruniți în conferință. El era autorizat să solicite conferinței consacrarea „statutului politic al României”, iar în eventualitatea unui război între Imperiul Otoman și una dintre puteri, să se acorde o garanție specială pentru respectarea „drepturilor, a neutralității și a integrității teritoriale”²⁷.

D. Brătianu mai avea misiunea ca, împreună cu generalul Iancu Ghica să acționeze în vederea retrocedării Deltei Dunării de către Poartă și a obținerii recunoașterii dreptului de a încheia convenții comerciale cu alte state.

Misiunea sa nu s-a soldat însă cu un succes, deoarece diplomații europeni au refuzat luarea în discuție a revendicărilor românești, invocând fie că nu aveau autorizarea din partea guvernelor lor, fie că trebuiau respectate vechile tratate. Deși Angliei și Turciei le-ar fi convenit soluționarea acestor revendicări, reprezentanții lor își dădeau seama că ea nu avea sorti de izbândă, deoarece crea o situație prea favorabilă Turciei și de aceea nu ar fi fost acceptată de Rusia. În plus, această soluție cerea ca cei ce semnau asigurarea neutralității să garanteze cu forța armată respectarea ei, ceea ce nici una dintre puterile europene nu era dispusă să facă²⁸. Discutarea problemei garanțiilor speciale pentru România, nu

²⁴ *Ibidem*, p. 645.

²⁵ Nicolae Corivan, *Relațiile diplomatice ale României...*, pp. 316-317.

²⁶ *DIRRI*, vol I, partea a II-a, p. 394, p. 423.

²⁷ *Ibidem*, p. 489.

²⁸ Nicolae Corivan, *Relațiile diplomatice ale României...*, p. 322.

ar fi fost pentru marile puteri decât o „sămânță de noi complicații”, așa cum i-a spus Lordul Salisbury lui D. Brătianu²⁹. Datorită acestor evenimente, România își continua pregătirile de război, prin achiziționarea de echipament și armament. Dar situația financiară a țării era totuși deosebit de grea. Ministrul de finanțe D.A. Sturza, un adept al neutralității, a propus parlamentului, pentru a reduce deficitul bugetar, micșorarea cheltuielilor la toate ministerele, dar mai ales la cel de război. Însă în condițiile internaționale date, aceasta nu era o propunere realistă.

Nefiind admisă, Sturza a demisionat în februarie 1877. Astfel părăsea guvernul unul dintre adversarii înțelegerii cu Rusia. Opinii asemănătoare cu a sa au continuat însă să existe, personalități ca Ion Ghica sau Nicolae Ionescu publicând în acea perioadă broșuri prin care susțineau în continuare ideea menținerii eforturilor de a obține garanții speciale ale neutralității³⁰. Între timp, evenimentele internaționale făceau ca războiul să fie inevitabil. Înțelegerea secretă de la Budapesta, din ianuarie 1877, asigura neutralitatea Austro-Ungariei, deschizând astfel calea Rusiei spre război. În martie, Poarta a respins ultima încercare de rezolvare diplomatică a situației din Balcani, Protocolul de la Londra. Nimic nu mai putea împiedica izbucnirea unui nou război între Imperiul Rus și cel Otoman. Principele Carol precizase încă din ianuarie, într-o scrisoare către tatăl său, care va fi traseul României: „A încheia o convenție militară cu Rusia și, de va fi nevoie, a ne bate alături de ruși contra turcilor”³¹. Convenția de trecere a trupelor rusești prin România era gata încă de la sfârșitul lui 1876, dar nici una dintre părți, nu a insistat pentru finalizarea și semnarea tratatului, așteptând să vadă rezultatul conferinței de la Constantinopol. Dar pe măsură ce devenea evident că aceasta nu va putea soluționa criza Balcanică, partea rusă a început să solicite semnarea tratatului. Prințul Gorceakov nu dorea neapărat acest lucru, deoarece se opunea unei înțelegeri politice între cele state. Dar, marele duce Nicolae, fratele țarului și comandantul suprem al trupelor ruse din Europa insista pentru încheierea urgentă a convenției și chiar pentru o cooperare militară româno-rusă. El a stabilit un contact permanent cu domnitorul Carol, contact ce a fost menținut prin corespondență și emisari. Marele duce a discutat permanent despre condițiile pentru trecerea armatei ruse spre Balcani. El propunea „o înțelegere practică, din punct de vedere curat militar, fără nici un caracter politic”, dar Carol i-a precizat că înțelegerea trebuie să fie „un act politic și în această calitate el trebuie să facă obiectul unui angajament de la guvern la guvern”³².

Spre sfârșitul lunii martie, când s-a văzut că războiul este inevitabil și iminent, baronul Stuart, reprezentantul Rusiei a cerut tot mai insistent

²⁹ *Scrisoarea lui Dumitru Brătianu către Nicolae Ionescu*, în *DIRRI*, vol I, partea a II-a , p. 509.

³⁰ *Ibidem*, p. 648.

³¹ *Memoriile regelui Carol*, vol III, p. 88.

³² *Ibidem*, pp. 94-95.

guvernului român semnarea convenției. Brătianu a cerut ca plățile pe care Rusia avea să le efectueze României să fie achitate în aur. După acceptarea acestui lucru, oportunitatea semnării convenției a fost analizată în cadrul cabinetului. Cu acest prilej, Nicolae Ionescu, adept al păstrării neutralității, și-a prezentat demisia din fruntea ministerului Afacerilor Străine. Colonelul Slăniceanu a devenit șef al Marelui Stat Major, fiind înlocuit ca ministru de război de către generalul Alexandru Cernat. Apoi, la data de 1/13 aprilie a fost convocat un consiliu de coroană pentru a discuta problema, la care au participat, alături de membrii guvernului, toți foștii prim-miniștrii (cu excepția celor puși sub acuzare: Lascăr Catargiu și generalul Florescu) plus președintele camerei C.A Rosetti. Foștii premieri, cu excepția lui Kogălniceanu, s-au pronunțat împotriva convenției și pentru păstrarea neutralității. Însă acest lucru ar fi transformat România într-un teatru de război și, de aceea, domnitorul și guvernul nu au ținut cont de acest sfat³³.

În data de 4/16 aprilie 1877, Mihail Kogălniceanu, redevenit ministru al Afacerilor Străine cu o zi înainte, semna în sfârșit, împreună cu Baronul Dimitri Stuart, textul convenției. Aceasta stabilea în primul articol că guvernul domnitorului Carol asigură armatei ruse în drum spre Turcia „libera trecere pe teritoriul României și tratamentul rezervat armatelor amice”. Se mai preciza că toate cheltuielile acestei armate cad în sarcina guvernului rus. Articolul II spune că pentru ca trecerea armatei să nu cauzeze nici un pericol sau inconvenienet pentru România, „Guvernul Majestății sale Imperatorul tuturor Rusiilor se obligă a menține și a face a se respecta drepturile politice ale statului român, astfel cum rezultă ele din legile interioare și tratatele existente, precum și a menține și apăra integritatea actuală a României”. Articolul III prevedea că detaliile vor fi stabilite într-o convenție specială, simultană cu aceasta, iar articolul IV cuprindea angajamentul guvernului român de a obține pentru convenții ratiificarea cerută de legile române și a face imediat executorii stipulațiile cuprinse în convenție³⁴. Convenția specială, formată din 26 de articole, se referea la aprovizionare încartiruire, la modalitățile de plată, la mijloacele de transport. Căile ferate erau puse la dispoziția trupelor imperiale, ce beneficiau de o reducere de 40%. Se mai stabilea că acestea nu vor trece prin capitala țării. Pe lângă comandamentele rusești trebuiau numiți comisari români, care să asigure legătura cu autoritățile locale³⁵. Conținutul convenției urma să rămână secret până la ratificarea ei de către Parlament.

La data de 11/ 23 aprilie 1877, cu o zi înainte ca Rusia să declare război în mod oficial Imperiului Otoman, trupele de cavalerie ale marelui duce trecură granița și ajunseră la Podul de la Barboși, de pe Siret, pentru a-l apăra. Distrugerea acestuia ar fi pereclitat singura cale ferată ce lega Moldova de

³³ *Istoria Românilor*, vol VII, tom I, pp. 649-651.

³⁴ *Convenția româno-rusă în DIRRI*, vol II, p. 112.

³⁵ *Ibidem*, pp. 112-119.

Muntenia. Ele erau însoțite de o proclamație a marelui duce către populația României, căreia i se spunea că rușii vin „ca amici și binevoitori ai voștri”³⁶. Aceasta, împreună cu intrarea neanunțată a armatei, aveau darul de a știrbi autoritatea domnului și a guvernului, mai ales că nu fusese încă ratificată convenția.

Nicolae a încercat însă să se explice invocând motive de ordin strategic, care îl obligau să acționeze cu mare grabă. Imperiul otoman, de îndată ce a aflat de existența convenției româno-ruse, s-a considerat practic în stare de război cu România și a trecut la represalii. Monitoarele otomane s-au dedat la acte de piraterie pe Dunăre. Bandele de cerchezi și bașibuzuci au trecut Dunărea prin mai multe locuri, au atacat pichetele românești, au incendiat bunuri, au comis jafuri și asasinat. În intervalul 21-28 aprilie, mai multe orașe românești dunărene au fost bombardate. În ziua de 26 aprilie/8 mai, bateria românească din Calafat a răspuns bombardând Vidinul. Războiul practic începuse. În aceste condiții, în ziua de 29 aprilie/11 mai Adunarea Deputaților, și în ziua următoare Senatul au votat rezoluții prin care declarau rupte legăturile cu Poarta și luau act de starea de război³⁷. Mai rămânea de făcut un singur pas. În ziua de 9/ 21 mai 1877, deputatul Nicolae Fleva, având asentimentul miniștrilor, adresa o interpelare guvernului, în care întreba dacă au fost comunicate în mod oficial, marilor puteri, ruperea relațiilor și începerea stării de război cu Turcia, adică independența de fapt a României.

Răspunsul a fost oferit de către Mihail Kogălniceanu, ministrul de externe: „În starea de rezbél, cu legăturile rupte, ce suntem? Suntem independenți, suntem națiune de sine stătătoare”. Și adăuga mai departe că „voim să fim independenți pt că voim să trăim cu viața noastră proprie, pentru că nu mai voim să mai pătimim pentru greșelile altora, pentru că voim ca la gurile Dunării de jos să fim un bulevard în contra resbelului”. În urma acestui discurs Camera a votat, într-un entuziasm general, o moțiune prin care lua act că „resbelul dintre România și Turcia, că ruperea legăturilor noastre cu Poarta și independența absolută a României au primit consacrarea oficială”³⁸. Au fost 79 de voturi pentru și 2 abțineri, una dintre ele fiind a fostului ministru de externe Nicolae Ionescu. A doua zi, când se sărbătorea urcarea pe tron a Carol, reprezentanții guvernului și ai corpurilor legislative s-au prezentat la palat, pentru a-l saluta pe domitor, în noua sa calitate: de suveran al României independente.

Participarea României la războiul din 1877

³⁶ *Memoriile regelui Carol...*, vol III, p. 129.

³⁷ *Istoria Românilor*, vol VII, tom I, pp. 657-658.

³⁸ Cuvântarea rostită în Camera de M. Kogălniceanu prin care proclama independența României în *DIRRI*, vol II, pp. 667-669.

În ziua de 4/16 august, Brătianu și Slăniceanu au mers la Gorm Studen, cartierul general al țarului și al marelui duce Nicolae, pentru a discuta condițiile trecerii Dunării de către trupele române. Domnitorul îi însărcinase să declare că el „nu va da din mână comanda armatei sale”³⁹. Printr-o scrisoare a marelui duce, comandamentul rus accepta această condiție esențială pentru partea română.

În 10/22 august, Nicolae îi trimitea o nouă telegramă lui Carol, prin care îi solicita încă o dată să treacă Dunărea cât mai curând. Acesta îi răspundea că se luaseră deja măsuri ca 30 000 de soldați români să conlucreze cu armata imperială pentru a cucerii Plevna. Și într-adevăr, între 12/24 și 16/28 august, divizia a 3-a a traversat Dunărea, pe la Corabia. Această acțiune a fost completată prin traversarea diviziei de rezervă, din data de 20 august/septembrie, pe podul improvizat la Siliștioara, în prezența domnului, a lui Brătianu, Rosetti, dar și a altor oficialități. Armata română fusese reîmpărțită într-o „Armată de operațiuni”, ce cuprindea aceste trei divizii ce urmau să activeze la sud de Dunăre, și un „Corp de observații”, format din diviziile 1 și 2, care trebuia să continue a păzi frontiera sudică a României⁴⁰.

Încă din data de 16/28 august, la solicitarea țarului și a fratelui acestuia, principele Carol efectuase o vizită la Gorm Studen. Odată acolo, acesta a fost întrebat de marele duce Nicolae dacă intenționează să-și comande în persoană trupele. Primind un răspuns afirmativ, marele duce declară că acest lucru dă naștere la numeroase complicații, deoarece principele Carol nu poate sta sub ordinele unui general rus. Replica principelui veni imediat: „Firește că aceasta ar fi o imposibilitate, în schimb 10 generali ruși ar putea fi puși sub ordinele mele”. În urma acestei discuții, țarul îi propuse domnitorului, prin intermediul marelui duce, să preia comanda tuturor forțelor rusești din fața Plevnei. Conștient că nu va fi un demers ușor, Carol, onorat de propunerea făcută acceptă. Ca șef de stat major, urma să fie asistat de generalul rus Zotov. Corpul de operațiuni românesc avea să fie condus de generalul Alexandru Cernat, fost ministru de Război⁴¹. Doleanțele părții române în privința colaborării militare cu Rusia fuseseră satisfăcute.

Armata română avea să își păstreze individualitatea comandamentului, ba mai mult, un important corp de oaste rusec avea să se afle sub ordinele principelui României, pe cel mai important teatru de operațiuni al războiului. Dar, în cadrul acestor negocieri, românii s-au mulțumit cu asigurări verbale, nici un act oficial nefiind semnat pentru a atesta caracterul României de aliat al Imperiului Rus.

³⁹ *Ibidem*, p. 201.

⁴⁰ Dan Berindei, *Cucerirea independenței (1877-1878)*, Editura Științifică și Enciclopedică, București 1877, pp. 93-94.

⁴¹ *Memoriile regelui Carol...*, vol III, pp. 211-212.

În ziua de 25 august/6 septembrie, Armata de vest ruso-română ocupase poziţiile de luptă în faţa Plevnei. Ea număra în acel moment aproximativ 65 000 de soldaţi, din care mai mult de jumătate erau români. Unităţile ruseşti posedau un număr mai mare de tunuri (282 faţă de 108), dar cele folosite de armata română era mai eficiente, multe dintre ele fiind tunuri Krupp. Trupele otomane de sub comanda lui Osman Paşa era în jur de 50 000 de oameni şi peste 100 de tunuri (cele mai multe de fabricaţie Krupp)⁴².

Plevna, un oraşel de 15000-18000 de locuitori, era situată într-o vale înconjurată de un lanţ de dealuri transformate în redute puternice. Acest sistem, în bună parte natural, de apărare era străbătut de râurile Griviţa, Vid şi Tuceviţa, care impuneau direcţiile de atac, făcând astfel mai uşoară apărarea. Sistemul fortificat al Plevnei, lung de vreo 40 de km, era legat prin căi de comunicare de Rusciuc, Sofia, Filipopol, Teliş, ceea ce uşura aprovizionarea lui Osman Paşa şi permitea primirea destul de uşoară a întăririlor⁴³.

În data de 27 august/8 septembrie unităţi ale diviziei a 4-a au executat un atac, încununat cu succes, asupra unui redan (semiredută) situat la 900 de m de reduta Griviţa. În aceeaşi zi a fost respins un atac otoman la Gorni Etropol, iar în ziua următoare au avut loc ciocniri la podul de pe Vid, între cavalerişti români şi o coloană turcă, care a fost silită să se retragă în Plevna⁴⁴.

În data de 29 august /11 septembrie a fost dat ordinul de luptă, care prevedea atacarea Plevnei din trei direcţii. Artileria urma să deschidă focul în zori, iar atacul de infanterie urma să aibă loc la orele 15.00. Principalul obiectiv al corpului românesc avea să fie reduta Griviţa, locul unde fusese respins atacul rusesc, cu ocazia celei de-a doua bătălii pentru Plevna. Sarcina de a o cuceri a revenit diviziilor a 3-a şi a 4-a, ce contribuiau fiecare cu câte 4 batalioane. Artileria necesară urma să fie furnizată de divizia a 4-a. O coloană rusească de două batalioane urma să execute atacul dinspre satul Griviţa în acelaşi timp cu românii⁴⁵.

Principala lipsă a ordinului de atac, cauzată de insuficienta cercetare a poziţiilor inamice, era faptul că desmna ca ţintă a atacului o singură redută, când de fapt erau două. Acest lucru avea să aibă o mare influenţă asupra atacului de a doua zi. Fiind vorba de două redute, diviziile 3 şi 4 au atacat obiective diferite, în timp ce planul prevedea un atac simultan asupra Griviţei. Atacul purtat de batalioanele diviziei a 3-a asupra redutei Griviţa II a trebuit să străbată o râpă de circa 500 de metri, supranumită ulterior „Valea plângerii” sau „Valea sângelui”, despre care nu se ştia nimic. A fost respins cu pierderi grele: 11 ofiţeri morţi şi 15 răniţi, 683 de soldaţi morţi şi răniţi în doar 50 de minute cât a durat atacul. Printre ei maiorul Şonţu şi Căpitanul Mărăcineanu, comandanţi de batalioane.⁴⁶

⁴² Constantin Căzănişteanu şi Mihail E. Ionescu, *Op. cit.*, pp. 176-178.

⁴³ Dan Berindei, *Op. cit.*, p. 97.

⁴⁴ *Ibidem*, p. 98.

⁴⁵ *DIRRI*, vol V, pp. 658-661.

⁴⁶ Constantin Căzănişteanu şi Mihail E. Ionescu, *Op. cit.*, pp. 199-201.

Avea să fie însă singurul succes pe termen lung al unei zile negre pentru trupele ruso-române. Generalul Skobelev a reușit să cucerească alte două redute, dar după contraatacuri otomane, și după ce au fost pierdute și recucerite de 4 ori, el a trebuit să le abandoneze în după-amiaza zilei de 31 august/12 septembrie. La sfârșitul celei de-a treia bătălie pentru Plevna, Armata de vest nu cucerise decât una dintre cele 14 redute care formau sistemul defensiv al Plevnei. Fuseseră scoși din luptă peste 2000 de români și peste 12 000 de ruși⁴⁷.

La 1/13 septembrie a avut loc un consiliu de război, la Radenița, care a dezbătut modalitatea de acțiune ulterioară a trupelor româno-ruse. Unii generali ruși au propus retragerea trupelor aliate în spatele liniei râului Osma pentru a aștepta sosirea întăririlor din Rusia. A avut însă câștig de cauză propunerea susținută de ministrul Miliutin și de Principele Carol, de a menține asediul, de a abandona atacurile frontale și de a realiza cu ajutorul întăririlor o încercuire completă a Plevnei. S-a mai hotărât chemarea generalului Totleben, apărătorul Sevastopolului în Războiul Crimeei, pentru a alcătui un lanț riguros de blocare a Plevnei⁴⁸. Cu toate acestea, deoarece se considera că reduta Grivița II constituie un pericol pentru reduta Grivița I, s-a încercat încă o dată cucerirea acesteia în data de 6/18 septembrie. Și acest atac a fost însă un eșec. În general, în această perioadă, trupele se ocupau cu realizarea de fortificații de campanie. Spre sfârșitul lunii au început să sosească la Plevna noi trupe rusești, inclusiv garda imperială. În aceste condiții, aliaților nu le rămânea decât să aștepte ca garnizoana lui Osman să își termine proviziile.

Un obiectiv important al acestora trebuia să fie însă cucerirea Rahovei care, situată pe malul drept al Dunării, la nord-vest de Plevna, putea pune în pericol spatele trupelor de încercuire. Pentru realizarea acestui obiectiv s-a constituit un detașament de circa 5000 de români, în majoritate dorobanți, aflat sub conducerea colonelului Slăniceanu și un detașament ruso-român de circa 1200 de oameni, ulani, călărași și dorobanți, condus de generalul rus Mazendorf. Luptele pentru Rahova s-au desfășurat între 7/19 și 9/21 noiembrie și s-au soldat cu cucerirea acesteia⁴⁹. Rămas fără provizii, mareșalul Osman a decis să încerce o străpungere a liniilor inamice, în dimineața de 28 noiembrie/10 decembrie. Luptele au fost crâncene, în special în zona redutelor de pe înălțimile Opanez. Rănit și conștient că a pierdut orice șansă de scăpare, mareșalul otoman s-a predat colonelului Mihail Cerchez, împreună cu toată armata sa. Plevna era în sfârșit cucerită. Rezultatul victoriei: 40 000 de prizonieri, între care 10 pași, 128 de ofițeri superiori și 1000 de ofițeri inferiori, 77 de tunuri, multe arme și drapele. Români au luat 28 de tunuri și 10000 de captivi⁵⁰.

⁴⁷ Dan Berindei, *Op. cit.*, p. 100.

⁴⁸ Constatin Căzănișteanu și Mihail E. Ionescu, *Op. cit.*, pp. 209-210.

⁴⁹ Nichita Adăniloae, *Cucerirea independenței...*, pp. 81-82.

⁵⁰ *Memoriile regelui Carol vol. III*, pp. 328-330.

După căderea Plevnei, în ultima etapă a războiului, diviziile româneşti au avut ca obiectiv cucerirea zonelor, aflate încă în stăpânire otomană, din apropierea Dunării, acţionând îndeosebi împotriva Vidinului şi a Belogradgikului. La 10/22 decembrie a fost cucerit Arcer Palanka, la 29 decembrie/10 ianuarie, armata română a reuşit să taie legăturile dintre Vidin şi Belogradgic. La 12/24 ianuarie, liniile de fortificaţii exterioare din sudul Vidinului fuseseră încercuite, iniţiindu-se apoi atacarea redutelor de la vestul oraşului, în principal a acelor de lângă satul Smârdan. Au fost cucerite în câteva ore. Două zile mai târziu, încercuirea Vidinului era desăvârşită, iar oraşul a fost supus unui bombardament neîncetat ce a luat sfârşit abia la 23 ianuarie 1877/4 februarie 1788, odată cu semnarea armistiţiului⁵¹.

Odată Plevna căzută, armata rusă şi-a putut relua ofensiva spre Constantinopol, conform planului iniţial. La 23 decembrie/4 ianuarie Sofia a fost ocupată. Şase zile mai târziu sârbii care reîntraseră în luptă, au cucerit Nişul, iar muntenegrenii portul Antivari. Ofensiva rusă a continuat, cucerind la 8/20 ianuarie 1878 Adrianopolul. Zece zile mai târziu, armatele ţarului au ajuns în apropierea Constantinopolului. Imperiul Otoman pierduse în mod clar războiul⁵². Războiul din 1877-1878 i-a adus României independenţa şi o nouă provincie, Dobrogea. Realizări importante, ce vor face, ca mai târziu aceasta să fie considerată una dintre paginile cele mai glorioase din istoria românilor.

Cu toate acestea, pierderea Basarabiei a fost resimţită din plin în epocă. La revenirea în ţară, după participarea la Congres de la Berlin, Brătianu şi Kogălniceanu au fost primiţi cu răceală. Guvernul a fost supus unor aspre critici din partea opoziţiei, dar nu numai. Printre nemulţumiţi se numărau şi figuri marcante din rândul liberalilor precum Dumitru Brătianu, D. A. Sturza, Ion Ghica, Nicolae Ionescu. Acestia, alături de conservatori, criticau politica de alianţă cu Rusia, ce ar fi risipit garanţia europeană şi ar fi împins România într-un război nu atât al Independenţei cât al pierderii sudului Basarabiei. În aceste condiţii, atmosfera a fost foarte apăsătoare atunci când, la 1/13 octombrie 1878 autorităţile române au părăsit provincia. Pentru a avea un „paratrăsnet pentru fulgere şi tunetele opoziţiei”, primul ministru a decis înlăturarea din echipa guvernamentală a lui Mihail Kogălniceanu, socotit responsabil pentru semnarea convenţiei româno-ruse⁵³.

Această percepţie a fost cât se poate de nedreaptă. România nu avea altă alternativă viabilă. Fără o convenţie, Rusia ar fi invadat oricum teritoriul României, pentru a putea ajunge la sud de Dunăre, iar teritoriul ţării ar fi putut ajunge, ca de atâtea ori în trecut, teatrul desfăşurării operaţiunilor militare, dacă Poarta ar fi decis să trimită trupe în întâmpinarea ruşilor. În ceea ce priveşte Basarabia, soarta acesteia era stabilită încă de la semnarea Tratatului de la

⁵¹ Dan Berindei, *Op. cit.*, pp. 113-114.

⁵² *Ibidem*, pp. 115-116.

⁵³ Gheorghe Cliveti în *Istoria Partidului Naţional Liberal*, pp. 72-73.

Budapesta. Retrocedarea Basarabiei era un obiectiv major, vechi de decenii, al politicii Rusesti, iar nici o acțiune a guvernanților români nu ar fi reușit să o împiedice. Convenția din 4/16 aprilie 1877 a fost semnată pentru a fi încălcată. Sigur că, în condițiile colaborării din timpul războiului, răpirea sudului Basarabiei a fost percepută, și mai acut, ca o trădare din partea Rusiei. Iar cei ce fuseseră artizanii acelei colaborări au fost percepuți, pe nedrept, ca responsabili pentru situația creată. Vina, pentru noua situație a relațiilor cu Romania, aparține însă în totalitate Rusiei. Aceasta s-a confruntat cu o situație neprevăzută. Înfrângerile suferite în fața Plevnei au obligat-o să solicite ceea ce refuzase să accepte cu puțin timp în urmă: concursul armatei române. Împrejurările i-au obligat pe oameii de stat ruși să ceară ajutorul unei țări căreia, la sfârșitul războiului, doreau să-i smulgă o parte din teritoriu. Principele Carol și miniștrii săi au acceptat să intervină din două motive: pentru că exista riscul ca războiul să continue pe teritoriul României, dacă rușii erau aruncați peste Dunăre, dar și pentru că independența României ar fi avut șanse mai mari de a fi recunoscută dacă era câștigat cu armele. În plus, ei sperau că recunoștința va împiedica Rusia să mai solicite cedarea celor trei județe. Faptul că s-au înșelat le-a fost explicat atât de clar concis și cinic de către Disraeli la Berlin.

Mai ales datorită primului dintre aceste motive, ei nu au insistat pentru semnarea unei convenții militare, care ar fi atestat în mod oficial, fără menajamente, alianța dintre cele două state. Dar oricum, probabil că nici un astfel de act nu ar fi putut împiedica pierderea Basarabiei. Rusia putea încălca orice acord, dacă interesele i-o cereau. Cazul convenției din aprilie 1877, dar chiar și cel al Tratatului de la Budapesta atestă acest lucru.

Rezultatele colaborării dintre România și Rusia nu au fost cu desăvârșire negative. Colaborarea militară efectivă, din timpul asediului Plevnei a funcționat bine. Punerea tuturor trupelor de acolo sub comanda domnitorului a fost un gest de curtoazie ce a avut darul de a flata atât România cât și pe Carol personal. Obținerea independenței este o consecință directă a acestei coaborări. Încercările, anterioare războiului, de a obține pe cale diplomatică recunoașterea acesteia de către marile puteri, s-au soldat cu eșecuri. Tratatul de la San Stefano, care este opera diplomației ruse, consfințește independența României.

Probabil că, dacă nu ar fi existat această chestiune a Basarabiei, relațiile româno-ruse s-ar fi menținut destul de strânse și după terminarea războiului, iar influența imperiului țarist în noul stat independent ar fi putut fi destul de mare. Dar principalul obiectiv al Rusiei, legat de România, a fost să înlătore și ultima prevedere a Tratatului de la Paris, pierderea Basarabiei. Ultima impresie, legată de acest rapt teritorial, a fost cea mai puternică și a creat o prăpastie în viitorul relațiilor dintre cele două țări

Fricțiuni au existat și în privința granițelor din Dobrogea, în special în privința Silistrei. Rusia a sprijinit Bulgaria care, în cele din urmă a obținut posesia acesteia. În anii următori, viața politică românească a fost tulburată de problema revizuirii articolului 7 din Constituție și de cea a răscumpărării căilor ferate,

chestiuni în care au existat din plin interferenţe şi presiuni ale marilor puteri. Însă odată problemele depăşite, România şi-a putut continua evoluţia începută prin proclamarea independenţei. În 1881 România a devenit regat, Carol I fiind încoronat la data de 10 mai. Una dintre concluziile trase în urma pierderii Basarabiei, a fost că România nu mai poate înfrunta situaţii de criză internaţională fără a avea asigurat sprijinul unei mari puteri. Majoritatea oamenilor politici, la fel ca şi opinia publică, considerau Rusia un inamic. Acesta a fost unul dintre motivele pentru care România a aderat la Tripla Alianţă. La 18/30 octombrie 1883 se semna un act bilateral cu Austro-Ungaria, prin care noii aliaţi îşi promiteau sprijinul în cazul unui atac din partea Rusiei, deşi aceasta din urmă nu era numită explicit, şi se angajau să nu se alătore nici unei alte alianţe îndreptate împotriva unuia dintre ei. Germania a aderat la acord în aceeaşi zi, printr-un act separat. Relaţiile româno-ruse au rămas încordate în următoarele decenii, abia în 1914, în urma vizitei ţarului Nicolae al II-lea la Constanţa, încercându-se o nouă apropiere⁵⁴.

În final, se poate spune că în perioada 1876-1878 relaţiile româno-ruse au atins apogeul, din toate punctele de vedere. Până în acel moment nici nu se poate vorbi de existenţa unor relaţii. Ocupant sau protector, Imperiul rus nu privise până atunci Principatele decât ca pe un teritoriu-tampon între el, Imperiul Otoman şi Austria. Prin forţa împrejurărilor, dar şi datorită noului statut internaţional al României, Rusia este nevoită să negocieze aproape de pe picior de egalitate cu guvernul român, ba chiar să semneze o convenţie pentru a-i putea traversa teritoriul. Mai mult, îi solicită ajutorul pe plan militar, contribuţia armatei române jucând un rol important în privinţa rezultatului final al războiului. Armata română a beneficiat de un comandament separat, ba mai mult, trupe ruseşti s-au aflat sub conducere şeful statului român. O astfel de evoluţie ar fi părut de neimaginat cu doar câteva decenii mai devreme, când Rusia îşi exercita protectoratul în Principate.

Interesele celor două state, atât de diferite ca anvergură s-au întâlnit într-un punct comun: înfrângerea imperiului otoman. Apoi s-au îndepărtat pentru că în relaţiile dintre ele exista şi acest mare punct sensibil, în privinţa căruia Rusia nu a dorit cu nici un preţ să cedeze. Războiul independenţei României este şi războiul alianţei româno-ruse, dar şi războiul răpirii sudului Basarabiei.

⁵⁴ Keith Hitchins în *Istoria României*, p. 413.

РУМЫНО- РУССКИЙ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗВЯОЕВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ РУМЫНИИ

Енаке ТУША

Тема данного реферата- показывать отношения между Румынией и Россией. Точнее об отношениях в период 1876-1878 год. Центральным событием тех лет был русско-турецкий конфликт, известный в истории Румынии как „Война за независимость”, конфликт, который представлял собой кульминационный период кипения страстей на Балканах в те годы и, который привел к большим изменениям на карте региона.

Российская Империя долгое время играла главную роль в жизни Княжеств, которые объединились в 1859 году, образовав Румынию. В 1711 году объединение молдаван Димитрия Кантемира с русскими в проигранной кампании на реке Прут имело тяжелые последствия: решение Оттоманской империи о замене местных правителей . Как следствие русско-турецкой войны 1768-1774 годов, закончившейся Кучук-Кайнарджикским Миром, турки согласились с открытием русских консульств в Молдове, а консулы могли представлять румын в Константинополе. В 1782 г были открыты первые консульства. В 1792 г по договору в Яссах границы России достигли Днестра, а в 1812 г после новой войны она присоединила Бессарабию.

Договор в Адрианополе, который закрыл конфликт в 1828-1829 годах, принес российский протекторат в два княжества, вместе с тем, закончил с Оттоманской монополией на румынскую торговлю. Оттоманская Империя оставалась страной созеренном. До 1834 года два румынских княжества были под прямым русским военным управлением. Генерал Павел Киселев пользовался почти неограниченной властью, чтобы реорганизовать политическую и экономическую жизнь этих 2-ух княжеств. Его правление имело много позитивного, а многие из его действий были отмечены в ту эпоху как революционные. Он не хотел перевернуть существующий общественный порядок, наоборот, желал сохранить его посредством „определения прав и обязанностей всех классов и посредством сохранения административного механизма и законной необходимости защищать его”. Важный результат этого периода оккупации было введение ооРегламентов в 1831 году в Румынской стране и в 1832 году в Молдове.

В 1848 году революции в румынских княжествах были подавлены

сюзереном и протектором. Крымская война (1853-1856 годов) принесла новую русскую оккупацию с последующей Австрийской. Договор в Париже принес конец конфликту и конец русского протектората в княжествах, которые подпали теперь под коллективную гарантию великих держав, и переуступку части Бессарабии, уезды Кахул, Измаил и Болград в Молдове.

Этот краткий обзор роли России в истории румын ясно показывает, что нельзя здесь говорить просто о румыно-русских отношениях в тот момент, это не были отношения равных партнеров. Как для любой другой большой державы, так и для России Румынские Княжества не существовали, это были христианские территории Оттоманской Империи, которые могли быть захвачены и присоединены, где можно было использовать своё влияние.

Здесь проявляет своё значение период 1876-1878. Ситуация в княжествах изменилась в период между Крымской войной и новым конфликтом Турция-Россия.

Парижский Конгресс можно считать рождением Современной Румынии. Парижский Договор, выработанный государствами-гарантами, стал и первой конституцией Румынии. 1866 год принес восхождение на трон Румынии иностранного принца Карола Гогенцоллера и первую собственную румынскую конституцию. Ряд реформ этого периода имели целью превращение Румынии в современное государство.

Но оставалось одно препятствие Оттоманский сюзеренитет. Румыния еще платила дань туркам, а правители должны были принимать инвеститору от Султана. И главной причиной этого, кроме прочих опасностей в такой ситуации, был Балканский конфликт, начавшийся в 1875 году. Но он мог и устранить последние следы турецкого господства, чтобы Румыния стала независимым государством. Это было моментом, когда Румыния выходит на международную арену. Отношения с Россией с этого момента становятся критическими с этой точки зрения. Российское правительство торгуется и подписывает соглашения о проходе войск с правительством страны, которую он привык считать завоеванной, как любую другую Оттоманскую территорию. Больше того, в силу обстоятельств Румыния держит судьбу в своих руках и вмешивается в войну на стороне России. Закончив путь, начатый Конгрессом в Париже, усилия Румынии увенчиваются успехом-она получает независимость. Но Парижский конгресс был решающим и для России. Шок поражения и другие причины определили внутреннюю политику России, а во внешней политике определили главную цель- аннулирование Парижского Договора.

Эта цель стала главным камнем преткновения в русско- румынских отношениях 1878 года. С этими идеями государственные деятели России вступили в войну. Это явилось началом основного кризиса в румыно-

российских отношениях и дальнейшего его развития.

Отношения этого периода становятся действенными. С одной стороны, сотрудничество с целью уничтожения общего врага, с другой, общий конфликт порожденных территориального спора. Для Румынии выгоды были большими. Но очень большими были и потери. На пути к своей независимости она шла вместе с великой Европейской державой. Но отношения этой страны стали грубыми и угрожающими с того момента, как Румыния попыталась встать на пути её интересов. Главной проблемой того периода стала Бессарабия, угроза потери этой территории, постоянно нависала над Румынией.

Нейтральность Румынии

В 1875 году, во время начала восточного кризиса, Румынией руководило консервативное правительство Ласкара Катарджю, который сохранил свой пост ещё с 1871 - ого года. Это было самое длительное правление в истории румынского государства до. Позиции же этого правительства были далеки от стабильности. Из первоначальной министерской команды остался только министр- президент, финансовое положение было очень затруднительным, а оппозиционные атаки (известная группировка „Союза от Мазар-Паши”) были все яростнее. Самая жестокая критика была в адрес Торгового союза с Австро-Венгрией, заключённого в том же году, которая, как думали либералы, принесёт большой вред собственной промышленности. К этим проблемам добавилось взрывоопасное положение на Балканах, обусловленная мятежами в Боснии и Герцеговине. Позиция, одобренная румынским правительством, была-нейтралитет! 9/21 Августа 1875 года Василе Боереску, министр иностранных дел с абсолютной сдержанностью, следя за тем, чтобы исключить любые действия с целью скомпрометировать нейтральность своих дел, обещает Турецкому правительству, что Румыния будет „пассивным наблюдателем, хотя и заинтересованным, и что останется в территории, и сохранять хорошие отношения с Османской Империей”.

Всё же он добавил, что Румыния будет проводить такую политику „столько времени, сколько будем сохранять твердую уверенность, что сможем реализовать наши надежды и укрепить наше национальное существование, без волнений и потрясений в абсолютном согласии с Высоким Пашей”. Таким образом, существовала надежда в том, что получение независимости возможно мирным путем, при взаимопониманием со стороны Турции. Главная идея, которая вырисовывалась из дипломатических нот адресованных Василе Боереску дипломатическим агентствам Румынии!-Строго соблюдать нейтралитет. Симпатии общественного мнения были на стороне мятежников. Газета „Румын”, газета либеральной оппозиции, и некоторые консервативные

депутаты требовали от правительства в ноябре 1875 года занятие более решительной позиции в пользу восставших. Несмотря на это, по рекомендации Парламента, правительство решило сохранять политику нейтралитета.

Повторное появление восточного вопроса заставляло политические организации Румынии принять какую-то позицию в отношении независимости страны. Радикальные либералы, одобрявшие движение за свободу народов болгарии, хотели получить её посредством участия в войне. Консерваторы желали получения независимости только посредством дипломатических переговоров, без участия в Балканском конфликте. На заседании консилиума министров 24 ноября/6 декабря 1875 года, где рассматривался вопрос об отношении Румынии к возможной русско-турецкой войне, не было принято никакого решения с мотивировкой о невозможности принятия решения в ситуации, которая неизвестно еще, как будет развиваться и влиять на международные отношения. Положение Румынского государства было особенно сложным, потому что мог бы возникнуть конфликт между двумя большими Империями, который возникал не раз в прошлом на румынской территории, а Румыния снова зажата между двумя империями. Оттоманские войска концентрировались в Видине, а Игнатъев заявил турецким министрам в присутствии румынского дипломатического агента Янку Гика, „что возьмёт в залог Румынские Княжества на Дунае сразу же если Турки захватят Сербию и Черногорию”. В этих условиях как и князь, так и его правительство желали, чтобы Румыния стала бы второй Бельгией, с нейтралитетом, признанным всеми странами-гарантами, и была бы защищена от предполагаемых атак. С этой целью 4/16 января 1876 года, Ласкар Катарджиу, который теперь был великим деятелем с портфелем Министра иностранных дел, послал ноту румынским агентам за границей относительно позиции страны по отношению к событиям в зоне. Дипломатические агенты должны были обсудить содержание данной ноты с правительствами, при которых они были аккредитированны.

Нота должна была прозондировать власти-гаранты в отношении предполагаемой прокламации независимости и признания состояния нейтральности, такой, как в Бельгии. В ноте уточнялось, что, хотя Румыния соблюдала строгий нейтралитет, она была обвинена в сообщничестве с Оттоманской империей, которая сосредотачивала военные силы в Видине и отправляла суда по Дунаю. Поэтому румынское правительство решило начать собственные военные приготовления чтобы смочь защититься будь-то от турок, будь-то от других держав, (намёк на декларацию Игнатъева). Также уточнялось, что пока не будет решена проблема независимости, в Румынии будут причины для общественных волнений. В случае, если Турция потерпит поражение в войне с

восставшим христианским населением, румынское правительство будет считать себя свободным от подати, будучи связанным этой единичственной нитью с Оттоманами, и сможет достичь состояния, подобного Бельгийскому. В заключение нота свидетельствовала, что в случае всеобщей мировой войны, румынское правительство будет сотрудничать с армиями объединения, если крупные державы этого потребуют, но с условием что это будет гарантировать Румынии „территориальную целостность и все вековые права”. Этот документ, консервативного правительства чётко объясняет позицию Румынии по вопросам международной политики: симпатии к волнениям населения, вооружение, мобилизация и ускорение военной эффективности, внимание к закулисным играм великих держав и активное участие в войне, но с условием уважения законных прав Румынии, особенно в отношении территориальной целостности.

Дипломатическая нота от 4/16 января была принята с энтузиазмом Сербам, Грекам, но с большой сдержанностью крупными державами. Самые серьёзные обсуждения имели место быть в Вене, где не только Андрасси, но и послы других стран, аккредитованные в столице империи, и выразили свое недовольство намерениями Румынии выйти из-под Оттоманской опеки. Послы России и Турции отрицали, что была хотя бы когда-нибудь проблема оккупации Румынии, а английский посол уточнил Георге Коста-Фору, румынскому посланнику, что Англия гарантирует существование Румынии пока та будет частью Оттоманской империи, потому что она в сохранении такого положения. „А как независимое государство-неважно, существует или нет Румыния”. В этих условиях консервативное правительство объявило отступление, и потребовало от агентов больше не поднимать никаких обсуждений по данной ноте, так как угрозы и осложнения относительно Румынии, казалось, были устранены. Министром иностранных дел стал Ион Бэлэчану, который объявил нейтралитет Румынии.

Между тем положение правительства Ласкара Катарджиу всё осложнялось. Оппозиционная критика становилась всё усиливающейся по таким темам как: спорная реформа образования, торговое соглашение с Австро-Венгрией, или опыт по государственной администрации. К этому прибавились обвинения о том, что правительство не заняло твердой и перспективной позиции в отношении внешней политики. Плюс консервативное правительство столкнулось с внутренними проблемами, которые привели к отставке министра Иностранных дел Василе Боереску, и спикера палаты Дмитрие Гика. Правительственная позиция была трудной и в сенате, поэтому верхняя палата была распущена и были организованы выборы. Результаты выборов были не в пользу консерваторов, поэтому Ласкар Катарджиу 30 марта/11 апреля объявил кабинет министров выйти в отставку. Затем следовало правительство с

оттенком консерватизма во главе с генералом Иоан Емануил Флореску, Военным министром в предыдущем правительстве. Министром Иностранных дел был Димитрие Корня. Он еще раз подтвердил нейтралитет Румынии, основанный на соблюдении договоров. И этот кабинет столкнулся с тем же Сенатом, где либералы имели 36 мест, а консерваторы-28. В то время как Карол I-ый отклонил новый роспуск верхней палаты, генерал Флореску подал в отставку. Правительство Румынии также развернуло активную дипломатическую деятельность с турками и странами-гарантами, чтобы получить нейтралитет Дуная между устьем Тимока и Вырчёрова, с целью не быть втянутой в начавшийся конфликт. Это и было целью размещения войск в Груе. Румынские усилия в этом плане были поддержаны странами-гарантами. Османская империя согласилась, но поставила два условия:

1) В секторе Вырчёрова-Неготин, запретить ввоз вооружения, боезапасов и добровольцев;

2) Румыния должна выполнить обязанности обеспечения турецкого гарнизона на острове Ада-Кале всчет подати. Румыния приняла эти условия. Эта мера была выгодна и Сербии, потому что та не могла быть атакована турецкими судами по речной границе. Отказ турецкой стороны, удовлетворить притязания Румынии, резни, устроенные нерегулярными турецкими войсками в Болгарии и предчувствие, что Рейхстаг, России и Австро-Венгрии, пришли к соглашению о разрешении восточного кризиса побудили Когалничану ускорить выход из нейтралитета. Чтобы подготовить почву, 20 июля/1 августа он послал ноту дипломатическим агентствам, чтобы они ознакомили правительство стране, где были аккредитированы, что Румыния не может оставаться безразличной к массовому уничтожению населения турками и требует скорейшего вмешательства крупных держав, чтобы покончить с этим. В ноте уточнялось, что Румыния не имеет враждебных намерений против Турции, но не может оставаться безразличной к «крикам от боли, со стороны правого берега Дуная. Великие державы должны прекратить свое молчание и по отношению к великим державам, Румыния „как бы ни скромна была её позиция, не может больше молчать”. В стране „волнение среди народа все растут”, крупная политическая партия „категорически высказалась в пользу христиан”, а армия „не находит покоя под гнётом дисциплины и рвётся в бой”. Поэтому долг и заинтересованность великих держав использовать свое влияние и требовать от османских войск „уважения расовых прав и человеческого долга”. Через четыре дня в зашифрованной телеграмме министр иностранных дел снова попросил дипломатических агентов Румынии убедить Великие страны быстрее разрешить предоставленные ранее претензии, так как общественное мнение может заставить правительство отказаться от своей сегодняшней позиции по нейтралитету. Но отставка правительства положила на время

конец этим уверенным действиям.

В июне 1876 года имели место выборы в Собрание депутатов, которые закончились уверенной победой радикальных либералов, лидером которых был Росетти, и он же был выбран президентом палаты. 19/31 июля, несмотря на оппозицию прим-министра, Палата проголосовала за открытие судебного процесса над бывшими министрами кабинета Ласкара Катарджиу, за нарушение конституции, ограничение свободы и разбазаривание Общественных денег. В этих условиях, Манолаке Костаке Епуряну, который был в консервативном правительстве в 1872-1873 годах, объявил себя солидарным с предшествующим правительством, хотя не выходил в группу обвиняемых, и объявил своему кабинету свою отставку. Князь Карол назначил Иона К. Братяну 24 июля/5 августа 1876 сформировать новое правительство. Министром иностранных дел вместо М. Когэлничану был назначен Н.Ионеску, лидер радикал-либеральных фракционистов Молдовы и защитник строгого соблюдения нейтралитета.

С самого начала своего мандата, Ионеску проинформировал австрийского липагента в Бухаресте, что он, „хотя радикал внутри, но консерватор снаружи”. Чтобы избежать протесты Оттоманов и других стран, он дал распоряжение запретить провоз больших количеств оружия и боеприпасов, которые направлялись в Сербию. Местные власти часто просто закрывали на это глаза, соблюдая рекомендации прим-министра.

Братяну хотел проводить новую внешнюю политику Румынии, где нейтральность продолжалась бы только на одном этапе. Международная ситуация портилась. Турецкие победы предвещали Сербии бедствие, а Россия не могла позволить унижения южной славянской армии, под командованием русского генерала и укрепленной добровольцами из России. В Ливадии, летней царской резиденции в Крыму, русские крупные политики вели обсуждение возможных осложнений конфликта. Братяну заявил барону Стюарту, русскому агенту, что он и его правительство готовы сотрудничать с русскими, для исполнения всех требований в том случае, если Россия гарантирует целостность границ Румынии в современных границах. Стюарт ограничился ответом о том, что Румыния многим обязана России и что лучше сохранять добрые отношения с таким сильным соседом, как Россия. Это был ответ-штамп для всех консульств в беседах с румынскими государственными деятелями.

В этом новом контексте Братяну должен был иметь в виду и позицию Австро-Венгрии и позицию России, особенно после того, как имела место встреча в Рейхстаге двух императоров и их министров иностранных дел. Поэтому в конце августа 1876-ого года, когда император Франк Иосиф посетил Сибиу, Братяну прибыл приветствовать его, чтобы узнать его намерения.

Месяцем позже, 29 сентября/11 октября румынская делегация

прибыла в Ливадию, где был царь и главные его сотрудники. Румынская делегация состояла из: Братяну, полковник Слэничану (военный министр), маршал при дворе Теодор Вэкэреску и один из адъютантов правителя Карола говоривший по-русски-Сингуров. Н. Ионеску не был включён. Прибыв туда, они начали переговоры с царём, Милютиным, военным министром, Горчаковым, Игнатьевым и другими. Переговоры начались в тоне, заданном Братяну, что он видит, войну неизбежной, а всеобщее настроение в этом отношении „уверенным и оживлённым”. И Игнатьев и Горчаков с самого начала настаивали на подписании соглашения о проходе русских войск через Румынию в случае войны. В Ливадии не было подписано никаких протоколов-это был визит вежливости, также не были взяты какие-либо ясные обязательства, но одно принципиальное согласие было достигнуто в какой-то мере. Согласно русским впечатлениям, тактика Братяну и его сопровождающих была более чем удовлетворительной. Он предложил, чтобы румынская армия участвовала бы в войне и чтобы был подписан документ о военном союзе. Взамен была бы, обеспечена независимость и целостность территорий. Он также предложил, чтобы русские офицеры прибыли в Румынию ознакомиться с условиями и помочь румынской армии подготовиться к войне. Большинство русских лидеров были довольны. Жомини, приближенный сотрудник Горчакова, написал в Санкт-Петербург Джиерсу, заместителю министра иностранных дел: „Румыны очень приятные люди(такие искренние). Предлагают быть нашим авангардом взамен компенсаций: независимость, королевская власть, присоединение Добруджи до Констанцы”.

С румынской точки зрения существовала причина к беспокойству-это проблема юга Бессарабии. Румыния желала бы гарантий, что Россия не будет пробовать их аннексировать. На прямой вопрос Братяну Игнатьев и особенно Горчаков ответили неопределённо. Зато на встрече, где был только Братяну, император и императрица, Александр II-ой сообщил, что эти три уезда представляют собой единственный кусочек территории, которую Россия должна была когда-то вернуть, но он считает, что это святой долг перед его отцом- вернуть России Николая I-го то, что было похищено Парижским договором. Румынский прим-министр вернулся домой озабоченным. Было ясно, что Россия готовится к войне, а Бессарабия в опасности. На основе договорённостей в Ливадии 16/28 ноября 1876 года в Бухарест прибыл граф Нелидов, консьльер русского посольства в Константинополе, чтобы вести переговоры о заключении соглашения о переходе русских войск к Балканам. Без извещения о переговорах министра Ионеску, противник переговоров с Россией, Братяну договорился секретно об основных предусмотренных конвенции, которая к 23 ноября/5 декабря, в общих чертах была разработана. В тот же период вместе с Нелидовым в Бухарест прибыл с секретной миссией

турецкий посланник Али-Бей, управляющий Тульчей, чтобы заключить соглашение против России. Если бы Румыния проявила согласие против входа войск в страну, турки были бы готовы поставить 40 000 солдат под командование Карола. Но турецкое предложение было отвергнуто. Дело шло к сотрудничеству с Россией.

Параллельно с переговорами с Россией, Румыния усилила военную подготовку. 24 сентября/6 октября правитель Карол издал указ (по случаю осенних маневров)- сконцентрировать постоянную и территориальную армии вместе с их резервами, а 9/21 сентября были зафиксированы порядок боёв и дислокация 4^{ex} дивизий. 4^{an} дивизия сконцентрировалась в окрестностях Фокшани, хотя имела базу в Яссах, чтобы быть ближе к остальным армиям, с целью предотвратить ожидаемую атаку оттоманов на стратегический пункт Барбоши.

Эта мобилизация сил вызвала протесты некоторых стран-гарантов, которые обвиняли румын в военных намерениях. В ноябре, не обращая внимания на этот протест, было решено продолжать держать под оружием войска, было проголосовано за получение кредита для снабжения войсках частей и было принято решение о создании еще 8 полков пехотинцов к 8 ми, уже существующим .Пехотные полки были распределены по уездам (полк сформирован из 2х батальонов). Один полк на 2 уезда, то есть каждый уезд имел один батальон. Такое положение продолжалось до конца января 1877 года, когда резервисты были отпущены временно по домам из- за финансовых соображений. Во время этой длительной концентрации были проведены учения и инструкции войск постоянной и территориальной армий и были возведены укрепительные сооружения в Барбоше и Калафате с целью предотвращения атак врага.

В середине октября 1876 года казалось, что война Росси с Оттоманской империей была уже почти начавшейся. Чтобы избежать полного уничтожение сербской армии, Россия предъявила ультиматум Турции 19/31 октября и мобилизовала 20 дивизий. Но, неожиданно, Турция подчинилась ультиматому и согласилась подписать перемирие на 2 месяца с Сербией и Черногорией. Таким образом, начало войны было отложено. Константинопольская конференция больших держав ещё больше удалило её. В этих международных условиях, когда, казалось, войны не будет или, по крайней мере, она будет отложена, румынское правительство, подталкиваемое некоторыми политиками, вражески настроенными к сотрудничеству с Россией (Ион Гика, Дмитрий А. Стурза, Николае Ионеску, Думитру Брэтияну), попробовали ещё раз получить косвенное признание независимости дипломатическим путём, то есть посредством абсолютного нейтралитета и его гарантии великими европейскими державами. С этой целью были направлены К.А. Росетти и Ион Гика во Францию и Великобританию, хотя официально они были посланы туда для торговых обязательств.

Но обстановка была напряженной ещё и потому, что не существовало консенсуса между великими державами о мерах для устоявления мира на Балканах. Осенью 1876 года было огромное напряжение и невозможно было предугадать как будет развиваться обстановка, поэтому европейские страны обходили стороной внятные ответы о нейтралитете Румынии. В Париже, герцог Деказес объявил Росетти, что ни одна страна не возьмёт на себя обязательство в том, что из Англии будет токой же ответ. Ион Гика по пути в Лондон, остановился в Вене, где ему сообщили, что будет лучше если румыны не будут стоять на пути русских в случае если последние войдут на территорию страны. Прибыв в Великобританию, он не получил и там ясного ответа в отношении особых гарантий за нейтралитет румынского государства.

В том же порядке вещей Н. Ионеску потребовал от своих дипагентов 22 октября /3 ноября и 5/17 ноября 1876 года прозондировать мнения правительств, где были аккредитованы, о специальных гарантиях за нейтралитет, подтвержденный каким-либо международным документом, в предполагаемой войне между турецкой империей и другой европейской страной. Ответ был тоже-неясным, обещания о том, что румынская проблема будет поддержана на Константинопольской конференции.

Поэтому, в Бухаресте было принято решение о поездке Д. Братяну в Константинополь, чтобы защищать румынские требования перед лицом европейских дипломатов, собирающихся на конференцию. Он был уполномочен требовать от конференции признать „политический статус Румынии”, а в случае предполагаемой войны между Оттоманской империей и какой-либо другой страной, предоставить ей (Румынии) особые гарантии за соблюдение нейтралитета, а также территориальную целостность. Д. Братяну еще имел миссию вместе с генералом Янку Гика действовать в плане возвращения Дельты Дуная туркамми Румынии и признания ими права Румынии заключать торговые соглашения с другими государствами.

Миссия не закончилась успехом, потому что европейские дипломаты отказались обсуждать румынскую проблему, мотивируя отказ тем, что не уполномочены в этом своими правительствами и что нужно соблюдать старые договоры. Хотя Англии и Турции было бы выгодно разрешение румынской проблемы, их представители отдавали себе отчет в том, что здесь не может быть успеха потому, что тогда бы Турция была в самом благоприятном положении, но этого не допустила бы Россия. Плюс ко всему разрешение этой проблемы означало бы, что те, кто подпишет обеспечение нейтралитета, должен будет с оружием в руках гарантировать соблюдение, его, чего не сделала бы ни одна из европейских стран. Обсуждение проблемы об особых гарантиях для Румынии было бы ничем другим, как „яблоком раздора” (семена для новых осложнений), так сказал Лорд Салисбери Брэтияну.

Из-за сложившейся ситуации Румыния продолжала подготовку к войне. Но финансовое положение страны было особенно тяжёлым. Министр финансов Д.А. Стурза, кто был за нейтралитет, предложил парламенту уменьшить расходы во всех министерствах, а особенно в военном министерстве. Но в данных международных условиях это не было реальным предложением. Оно было отвергнуто, а Стурза в феврале 1877 года подал в отставку. Таким образом, правительство оставил последний противник согласия с Россией, хотя его мнения поддерживали многие видные деятели (Ион Гика, Ион Ионеску), публикуя в периодической прессе брошюры, в которых существовала эта идея-получить специальные гарантии за нейтралитет. Между тем, война становилась неизбежной. Секретное соглашение в Будапеште в январе 1877 года обеспечило нейтралитет Австро-Венгрии, таким образом, открывая путь России к войне. В марте Турецкая Империя отвергла последнюю попытку разрешить эту проблему на Балканах дипломатическим путем (Лондонский протокол), принц Карол в письме своему отцу еще в январе высказался о дальнейшем пути Румынии: „заключить военное соглашение с Россией, а если необходимо, быть вместе с русскими против турок”. Конвенция о прохождении русских войск через территорию Румынии была готова еще в конце 1886 года, но ни одна сторона не настаивала на окончательном варианте и подписание договора ожидало окончания конференции в Константинополе. По мере того, как становилась все яснее невозможность разрешения балканского кризиса, российская сторона начала настаивать на подписании договора. Князь Горчаков не хотел этого подписания, потому что противился политическому соглашению двух государств. Но великий князь Николай, брат царя и главнокомандующий российских войск в Европе, настаивал на подписании договора и на военном объединении румыно-русских войск. Он установил постоянный контакт с правителем Каролом, писменный и через эмиссаров. Великий Князь постоянно интересовался об условиях прохода русских войск на Балканы. Он предложил „практическое соглашение, число военных, без какого-либо политического соглашения, но Карол уточнил, что соглашение это политический акт и в этом качестве должно быть обязательством правительств”.

К концу марта, когда стало ясно, что война неизбежна, представитель России, Барон Стюарт, стал все больше настаивать на подписании конвенции. Братяну потребовал, чтобы плата, которую Россия должна была предоставить, была бы сделана золотом. После получения согласия на это, подписание договора было проанализировано в кабинетах. По этому случаю Николае Ионеску, кто был сторонником нейтралитета, подал в отставку с поста главы крае министерства иностранных дел. Полковник Слэничану стал главой Главного Штаба, а

его пост военного министра занял генерал Александру Чернат. Затем, 1/13 апреля был создан Консилиум de coroana для обсуждения проблемы, на которой участвовали вместе с членами, правительства, все бывшие приминистры (кроме тех, кто был под судом Ласкар Катарджиу и генерал Флореску) плюс президент палаты Росетти. Бывшие премьеры, за исключением Когэлничану, выразили против конвенции и за сохранение нейтралитета. Но тогда Румыния, превратилась бы в театр военных действий, поэтому правитель Карол и правительство не согласились с этим советом.

4 / 16 апрель 1877 года М. Когэлничану, снова стал Министром Иностранных дел, а за день до этого подписал, наконец, с Бароном Д. Стюартом текст конвенции. Она в первой статье устанавливала, что правительство Карола обеспечит русской армии на пути к Турции „свободный проход по территории Румынии и обхождение подобающее дружеским армиям”.

Также уточнялось, что все расходы этой армии лягут на плечи русского правительства. Во второй статье говорилось, что для того, чтобы проход армии не причинил вреда Румынии, „Правительство, Его Превосходительства, императора всех Россиян, обязуется соблюдать и уважать политические права румынского государства так, как это зафиксировано в предыдущих договорах и законах, а также сохранять и защищать настоящую целостность Румынии”. Третья статья предусматривала обсуждение деталей на особой конференции, одновременно с этой, а четвёртая статья фиксировала обязательства румынского правительства получить ратификацию этого договора, согласно румынским законам, и приступить к немедленному исполнению условий договора. Специальная конвенция, состоящая из 26 статей, касающихся расквартирования, способов платежей транспортных средств. Железные дороги были отданы в распоряжение императорских войск, которые пользовались 40% тной скидкой. Устанавливалось, что войска не будут проходить через столицу страны. Кроме русских штабов назначались и румынские комиссары, которые обеспечивали связь с местной администрацией. Содержание конвенции оставалось в секрете до её ратификации в парламенте.

11/23 апреля 1877 года, за день до объявления Россией войны Турции официально, отряды кавалерисов Великого князя перешли границу и достигли моста Барбоши на Сирете, чтобы его защищать. Уничтожение этого моста означало бы перекрытие единственной железнодорожной линии, что связывала Молдову с Мунтенией. Отряды были снабжены прокламациями к населению о том, что русские пришли как «ваши друзья и доброжелатели» . Это, неожиданное, необъявленное вторжение и прокламации ущемляли влияние правителя и правительства, особенно еще, и потому, что конвенция не была

ратифицирована.

Великий Князь Николай объяснил, это стратегическими причинами, которые заставили его действовать особенно быстро. Оттоманская империя, как только узнала о существовании румыно-россукой конвенции, считала себя в состоянии войны с Румынией и перешла к репрессиям. Турецкие суда начали пиратские действия на Дунае. Банды черкесов и башки-бузуков перешли Дунай во многих местах, атаковали румынские пикеты, поджигали дома, грабили и устраивали массовые убийства. В период с 21-28 апреля, многие города на Дунае подверглись бомбардировкам. В день 26 апреля / 8 мая румынская батарея в Калафате ответила бомбардировкой Видина. Война практически началась. В этих условиях 29 апреля/11 мая собрание депутатов, а на следующий день, и сенат проголосовали за резолюцию, о прекращении связей с Оттоманской империей и объявили войну. Оставался только один шаг. 9/21 мая 1877 года, депутат Николае Флева, с согласия министров, адресовал запрос к правительству, в котором ставил вопрос-были ли официальные сообщения великих Держав о разрыве отношений и начале состояния войны с Турцией, то есть фактически о независимости и нейтралитете Румынии.

Ответ был дан Министром Иностранных дел М.Когэлничану: „о состоянии войны, с прекращёнными отношениями-кто мы?-Мы свободны, мы самостоятельная нация!” И дальше добавил, что мы будем свободны потому, что хотим жить своей собственной жизнью, потому, что не хотим больше платить за чужие ошибки, потому что не хотим быть заслоном в устье нижнего Дуная, мы хотим быть против войны. „После этого выступления, палата проголосовала со всеобщим энтузиазмом за документ”, о состоянии войны Румыния -Турция, о прекращении отношений с оттоманами, и абсолютной независимости . „Было 79 голосов- за и только 2-е воздержавшихся (один из них- Николае Ионеску-бывший Министр иностранных дел.), на второй день, когда праздновалось восшествие на трон принца Карола, представители правительства и узаконенные представительства были представлены во дворце, чтобы поздравить правителя в новом качестве- суверен- независимой Румынии.

Участие Румынии в войне 1877-ого года

4/16 августа Брэтяну и Слэничану отправились в главный квартал расположения царя и Великого Князя Николая для , беседы об условиях перехода Дуная румынскими войсками. Правитель Карол обязал их заявить, что „не выпустит из своих рук командование своей армией”. Своим письмом Великий Князь и русский штаб приняли это важное для румынской стороны условие. 10/22 августа, Николай посылает Каролу ещё одну телеграмму где ещё раз просит перейти Дунай как можно быстрее. Правитель ответил, что меры уже приняты и что 30 000

румынских солдат будут в месте с имперской армией воевать за Плевну. И действительно, в период с 12/24 и 16/28 августа 3-ья дивизия перешла Дунай у Корабии. Эта операция была дополнена переходом резервной дивизии 20 августа/сентября через мост, построенный в Силишоаре в присутствии правителя, Брэтяну, и Росетти, и других официальных лиц. Румынская армия была разделена на „действующую армию для операций”, которая включала три дивизии для действий на юге от Дуная, и „наблюдательный корпус”, сформированный из 1ой-2ой дивизии, которые должны были продолжать охранять южные границы Румынии.

Еще с 16/28 августа, на просьбу царя и своего брата, принц Карол прибыл в их резиденцию Горм Студем. Будучи там, ему был поставлен вопрос великим князем Николаем, собирается ли он и дальше лично командовать войсками? Получив положительный ответ, Николай заявил что, это положение даст почву бесконечной сложности, поскольку принц Карол не может подчиняться приказам русского генерала. На что был дан быстрый ответ: „конечно, это было бы невозможно, зато 10-ять русских генералов могли бы быть под моим командованием”. Следствием этой беседы была передача командования всеми русскими силами у Плевны принцу Каролу. Карол принял его, хотя знал, что легко не будет. Как командующий главного штаба, Карол имел ассистентом русского генерала Ал. Черната, бывшего военного министра. Желания, румынской стороны в отношении военного сотрудничества были удовлетворены.

Румынская армия сохраняла индивидуальность штаба, и больше того, основной корпус русских армий был под командованием Принца Румынии, на самом важном театре боевых действий. Но в рамках переговоров, обо всем этом, румыны были довольны только словесными заверениями, никаких официальных документов не было подписано в подтверждение Румынии -как союзника Российской Империи.

25 августа/6 сентября восточно- русско-румынская армия заняла боевые позиции перед Плевной. В тот момент эта армия насчитывала 65 000 солдат, из которых больше половины были румыны. Русские части имели больше пушек (282, у румын 108), но румынские-были производства „Крупп”, более эффективны. Турецкие части под командованием Осман Паши имели около 50000 солдат и больше 100 пушек (фабрикация Крупп).

Плевна-город с населением 15000-18000 человек, расположен в долине окруженной цепью холмов, превращенных в мощные редуты. Эта природная система, защиты была пересечена реками Гривица, Вид и Тучевница, которые определяли направление атак, делая более лёгкой защиту. Система укреплений Плевны, протяж|нностью около 40 км была связана железными и другими дорогами с Русчуком, Софией, Филипполом, Телушем, что облегчало обеспечение Осман Паши и получение подкреплений.

27 августа/8 сентября части 4ой дивизии произвели нападение, увенчавшееся успехом, на военный редан, находящийся в 900 м от редута Гривица. В этот же день была отбита атака турок у Горного Этрополя, а на следующий день имели место столкновения на мосту реки Вид между румынскими кавалеристами и турецкой колонной, которая отступила к Плевне.

29 августа/11 сентября был отдан боевой приказ о наступлении на Плевну в 3х направлениях. С рассветом должна быть артиллерийская подготовка, а атака пехотинцев только в 15 часов. Главный объект атаки румын был редут Гривица, там, где была отбита атака русских, во время второй битвы за Плевну. Задача завоевать этот редут была поставлена 3 ей 4ой румынским дивизиям которые выставили по 4 батальона. Артиллерия была от 4-ой дивизии. Колонна русских из 2х батальонов должна была атаковать село Гривица одновременно с атакой румын.

Главным недостатком приказа атаковать, из- за недостаточности разведки вражеских позиций было то, что была отмечена только одна цель, (один редут) когда практически их было два. Это имело большое значение для атаки второго дня. Поскольку было два редута 3ья и 4 ая дивизии атаковали разные объекты, а не один вместе, как было предписано. Атака батальонов 3 ей дивизии редута Гривица встретила на пути овраг около 500 метров названный „долина плача”, или „кровавая долина”, о которой никто ничего не знал. Поэтому, атака была отбита турками, а дивизия понесла серьезные потери: 11 офицеров убиты, 15 раненых и 683 солдата убитых и раненых за 50 минут атаки. Среди них майор Шонцу и капитан Морэчиняну- оба командиры батальонов.

В этот черный день для для русско-румынской армии был всё-таки один успех-это генерала Скабелева, которому удалось захватить 2 редута, но после турецких контр-атак, и после того, что были отданы и захвачены вновь 4 раза, к концу дня 31 августа/12 сентября он всё-таки вынужден был оставить их. К концу 3ей битвы за Плевну, западная армия завоевала только один редут из четырнадцати 14 редутов, составляющих защитную систему Плевны. Из строя были выведены 2000 румын и 12000 русских солдат.

1/13 сентября имел место военный совет в Раденице, который обсудил дальнейшие действия армии. Одни русские генералы предложили отступление войск за линию реки Осма, чтобы ожидать прибытия подкрепления из России. Но было принято предложение министра Милютина и принца Карола продолжать осаду, отказаться от фронтальных атак и осуществить с помощью подкрепления окончательное окружение Плевны. Было решено призвать генерала Тотлебена, защитника Севастополя в Крымской войне, чтобы создать крепкую цепь блокады Плевны. Несмотря на всё это, из-за того, что редут Гривица -II представлял опасность для редута Гривица- I, была

осуществлена ещё одна атака 6/18 сентября, закончившаяся опять неудачей. К концу сентября начали прибывать к Плевне новые русские войска, включая императорскую охрану. В этих условиях союзникам оставалось только ждать, когда гарнизон Османа закончит свои запасы провизии.

Главным объектом оставалась Рахова, расположенная на правом берегу Дуная, на северо-западе от Плевны, она могла создать опасность для тыла частей, осуществлявших окружение. Для осуществления этой операции был создан отряд из 5000 румын, в основном добобанцев, под командованием полковника Слэничану и один русско-румынский отряд - 1200 человек (уланы, пехотницы и кавалеристы) под командованием русского генерала Мазендорфа. Битвы за Рахову развернулись 7/19 и 9 /21 в ноябре и закончились её захватом. Оставшись без провизии, Маршал Осман решил попробовать прорвать линию врагов утром 28 ноября/10 декабря. Были жестокие бои, особенно в зоне редутов на высоте Опанез. Раненый, но осознающий, что у него нет выхода турецкий маршал сдался полковнику Михаилу Черкезу вместе со своей армией. Плевна, в конце концов, была захвачена. Результат победы-40000 пленных турок, среди которых 10 пашей, 128 высших офицеров и 1000 низших, 77 пушек, много оружия и знамен. Румыны захватили 28 пушек и 10000 пленных.

После падения Плевны, на последнем этапе войны румынские дивизии своим объектом имели захват зон находящиеся ещё во владении турок. Эти зоны находились в близи Дуная, а также Видин и Белограджик. 10/22 декабря был завоеван Арчер-Паланка, а 29 декабря/10 января румынской армии удалось прервать связь между Видиным и Белограджигом. 12/24 января оборонные внешние линии на юге Видина были окружены и предприняты атаки редутов на западе от города, вблизи села Спырдан. Они были завоеваны за несколько часов. Через два дня окружение Видино было завершено, а город был подвергнут постоянной бомбардировке, которая закончилась только 23 декабря 1877/4 февраля 1788г. одновременно с подписанием перемирия.

После подения Плевны русская армия смогла начать наступление на Константинополь, согласно плану. 23 декабря/ 4 февраля София была занята. Шестью днями позже сербы, которые снова вступили в войну, завоевали Ниш и Мунтенегренни захватили порт Адрианополь. Спустя 10 дней русская армия подступила к Константинополю. Было ясно, что Оттоманская империя проиграла. Война 1877-1878 годов принесла Румынии независимость и новую провинцию Добруджу. Эти события позднее будут считаться самыми славными из истории румын.

И всё-таки потеря Бессарабии была осознана полностью через годы. По приезде в страну, после участия в Берлинском Конгрессе, Братяну и Когэлничану были приняты прохладно. Правительство было подвергнуто критике оппозиции, и не только. Среди недовольных были

либералы Дмитру Брэтяну, Д. А. Стурза, Ион Гика, Николае Ионеску. Они вместе с консерваторами критиковали политику союза с Россией, что принижало европейскую гарантию, толкало Румынию на войну не столько за независимость, сколько за потерю юга Бессарабии. В этой обстановке, атмосфера была очень угнетающей, особенно, когда 1/13 октябрь 1878 года администрация провинции оставила свои места. Чтобы иметь „грамоотвод от грома и молний оппозиции”, прим-министр решил убрать из правительственной группы Михаила Когэлничану, считая его ответственным за подписание румыно-русской конвенции.

Это решение было абсолютно несправедливым-Румыния не имела другие альтернативы для существования. Без конвенции, Россия оккупировала бы в любое время территорию Румынии, чтобы проникнуть на юг от Дуная, и эта территория страны стало бы театром военных действий, как бывало в прошлом, если бы Турция решила направить войска навстречу русским. А что касается Бессарабии, её судьба была определена ещё во время подписания договора в Будапеште. Возвращение Бессарабии было главным объективом российской политики в течение многих десятилетии но не одно из действий предпринятых правителями Румынии не смогло бы изменить это положение. Конвенция от 4/16 апреля 1877 года была подписана, чтобы иметь право вторжения. Конечно, в условиях сотрудничества во время войны отсоиденения юга Бессарабии от Румынии было воспринято как предательство со стороны России, а те, кто были партизанами этого сотрудничества, были восприняты, несправедливо, как ответственные за это положение. Вина за новое положение вещей в отношениях с Румынией принадлежит полностью России. Она столкнулась с непредвиденной ситуацией. Первые поражения в боях под Плевной заставили её просить того, от чего она отказалась незадолго до этого: помощь от румынской армии. Обстоятельства заставили русских государственных деятелей просить помощь у страны, от которой в конце войны хотели оторвать часть территории. Карол и его министры допустили вмешательство по двум причинам: существовал риск, что война будет разворачиваться на территории Румынии, если русские перебросят войска через Дунай, но и независимость Румынии имело бы больше шансов быть признанной, если была бы выиграна с оружием в руках. И ещё румыны надеялись, что признательность России не позволит им ещё требовать эти три уезда. Заблуждение румын было ясно и цинично объяснено Дизраелем в Берлине.

Принимая во внимание эти две причины особенно первую из них, румыны не настаивали на подписании военного соглашения, которое официально без осторожностей подтвердила бы союз двух стран. Но в любом случае, наверное, и этот документ не уберег бы от потери Бессарабии. Россия могла бы нарушить любой договор если бы этого требовали её интересы. Случай с конвенцией от апреля 1977 года да и тот,

с договором в Будапеште, подтверждают это.

Но результаты сотрудничества Румынии с Россией не были абсолютно негативными. Военное сотрудничество под Плевной было сработано хорошо. Объединение всех войск под личное командование Кэрола был жестом вежливости, который имел эффект не только в Румынии, но и лично для принца. Получение независимости – прямое следствие этого сотрудничества. Предыдущие попытки получить независимость от европейских стран дипломатическим путем заканчивались неудачей. Тратат Сан-Штефано, дипломатическое творение русских, узаконивает независимость Румынии.

Возможно, если бы оно не существовало этого вопроса о Бессарабии, румыно-российские отношения поддерживались бы довольно тесно и после окончания войны, а влияние России в новом независимом государстве было бы очень большим. Но основной объектив России, в Румынии устроил последнее предумышленное парижского договора – потерю Бессарабии.

Греция, была не против в отношении границ в Добрудже, особенно в отношении впечатления с Силистрой. Россия поддерживала Болгарию, которая в конце концов получила её. В последующие годы румынская политическая жизнь была взволнована и проблемой пересмотра 7ой статьи Конституции и выкупа железных дорог, где также существовали пересечения интересов и довлениа со стороны крупных держав. Румыния продолжала развитие, начатое после провозглашения независимости. В 1881ом году Румыния стала королевством, Карол I был коронован 10 мая. Одно из заключений, сделанных после потери Бессарабии, было то, что Румыния не может противостоять в условиях международного кризиса, не имея поддержки какой-либо крупной державы. Большинство политических деятелей, как и общественное мнение, считали Россию врагом. Это было причиной присоединения Румынии к Тройственному Союзу. В октябре 18/30 1883 года, подписан двусторонний документ с Австро-Венгрией, в котором союзники обещали поддержку в случае атак со стороны России, хотя о последних не было ясных объяснений, и обязались не присоединяться ни к каким другим союзам, направленных против одной из сторон. Германия присоединилась к союзу в тот же день отдельным докуменом. Отношения Румынии с Россией оставались напряженными несколько десятилетий, только в 1914 году, после визита царя Николая II в Констанцу, началось новое сближение.

В завершение можно сказать, что в период 1876-1878 отношения румынии и России достигли своего апогея во всех отношениях. До этого периода нельзя было говорить о каких-либо отношениях. Оккупант или протектор, Российская империя не видела в княжествах ничего, кроме территории столкновения между Австрией, Турцией и Росией. Благодоря

новому международному статусу Румынии, Россия обязана была договариваться почти на равных с румынским правительством, больше того, подписывать соглашение о пересечении территории и даже просить помощь в военном плане, а румынские войска играть важную роль в конечном результате войны. Румынская армия имела собственный штаб, больше того, русские войска были теперь под командованием румынского главнокомандующего. Такое положение вещей невозможно было представить себе ещё несколько десятков лет назад, когда Россия осуществляла протекторат румынских княжеств.

Интересы двух государств, таких различных, совпали в одном пункте-уничтожение Оттоманской империи. Потом отделились потому что в их отношениях существовал этот чувствительный пункт, в отношении которого Россия ни за что не хотела отказываться. Война за независимость Румынии-это и война румыно-русского объединения, но и война за отсоединение юга Бессарабии от Румынии.